

Библейско-богословская коллекция
Серия «История древней Церкви»

Лебедев А.П.

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ, ПЕРВЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ ИМПЕРАТОР

Христианское чтение, 1912, № 6, с. 674-697; № 7-8,
с. 821-843

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Константинъ великій, первый христіанскій императоръ († 337 г.).

Общій очеркъ *).

ЦЕРКОВЬ дала императору Константину имя „равноапостольнаго“ и этимъ опредѣлила его значеніе въ области церковной исторіи. Онъ называется „равноапостольнымъ“ (*Евсев.* Жизнь Констан. IV, 71) потому, что послѣ цѣлаго ряда римскихъ императоровъ, воздвигавшихъ гоненія на христіанъ въ продолженіе трехъ вѣковъ, былъ первымъ императоромъ, обратившимся въ хри-

*) Статья эта была изготовлена для одного спеціального изданія, а потомъ авторъ ея профессоръ Московскаго Университета Алексѣй Петровичъ Лебедевъ скончался (въ понедѣльникъ) 14 іюля 1908 г. См. о немъ „Русскій Паломникъ“ 1902 г., № 19, стр. 331—332 (проф. А. А. Бронзовъ); „Богословскій Вѣстникъ“ 1908 г., № 7—8, стр. 577—597 (проф. А. И. Покровский), 598—604 (надгробныя рѣчи А. А. Спасскаго, А. И. Покровскаго и Н. П. Кудрявцева [нынѣ игумень Никаноръ]); № 9, стр. 103—141, № 10, стр. 298—326, № 11, стр. 456—486 (проф. А. А. Спасскій—и въ отдѣльной брошюрѣ [Сергіевъ Посадъ 1908], которая изображаетъ „учено-литературную дѣятельность Ал. П. Лебедева и заслуги въ области церковно-исторической науки“, давая „характеристику его личности, какъ профессора и деловка“); 1909 г., № 1, стр. 108—126 († С. П. Шумовъ); „Странникъ“ 1908 г., № 9, стр. 275—305 (проф. Н. Н. Глубоковскій); „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1908 г., № 10, стр. 56—73 „Современной Лѣтописи“ (проф. И. Д. Андреевъ); „Душеполезное Чтеніе“ 1908 г., № 8, стр. 578—584 (священникъ Н. А. Колосовъ), 585—595 (рѣчи прот. И. Н. Сахарова, священника Д. И. Ромашкова и священника Н. А. Колосова); № 9, стр. 136—138 (рѣчь Н. П. Кудрявцева, а все вмѣстѣ брошюрою подъ заглавіемъ: „Памяти покойнаго профессора Алексѣя Петровича Лебедева“, Москва 1908); Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго Университета за 1908 годъ, ч. I (Москва 1909),

стіанство и поставившимъ своею цѣлію ввѣдрить христіанскія идеи и убѣжденія во всѣ отправленія государственной жизни. Апостолы имѣли въ виду своею проповѣдію просвѣтить и освятить каждаго отдѣльнаго человѣка; Константинъ же в., сдѣлавшись христіанскимъ императоромъ, старался воплотить христіанскія понятія и нравы въ самый государственный организмъ; поэтому государственные законы, правительственные учрежденія, военная организація стали сообразоваться съ тѣми требованіями, какія заключаются въ христіанствѣ. По всему этому дѣятельность Константина в. приближается къ апостольской дѣятельности. Гражданская исторія за ту же заслугу усвоила ему наименование „великаго“.

Отецъ Константина в.—Констанцій Хлоръ, сначала кесарь по правительственной Діоклитіановой системѣ, а потомъ полноправный императоръ († 306 г.). Мать его Елена происходила изъ низшаго званія и была или содержательницею или даже служанкою гостиницы. Она была наложницею Констанція, когда этотъ послѣдній былъ незначительнымъ офицеромъ; по рожденіи отъ нея Константина, она, по всей вѣроятности, сдѣлалась супругою Констанція. Сынъ ихъ родился въ городѣ Наиссѣ, въ верхней Мизіи (теперь Нишъ—въ Сербіи). Годъ рожденія Константина в. не точно извѣстенъ. Одни историки относятъ этотъ фактъ къ 274 году, а другіе къ 288 году. Если вѣрить Евсевію, который утверждаетъ (Ж. К. I, 5), что Константинъ скончался, имѣя болѣе шестидесяти лѣтъ, то мы должны будемъ склоняться въ пользу первой даты; но нужно сказать, что большинство лучшихъ современныхъ намъ историковъ, не довѣряя Евсевію, придерживаются второй даты.

Для насъ, конечно, очень важно знать, какого рода вліяніе отецъ и мать имѣли или могли имѣть на воспитаніе, характеръ и убѣжденія Константина в. А для этого намъ нужно имѣть бо-

стр. 456—474 († проф. прот. *Н. А. Елеонскій*); „Московскія Церковныя Вѣдомости“ 1908 г., № 43 (за 25-е октября), стр. 1078—1082, № 45 (за 8-е ноября), стр. 2028—2035 (священникъ *П. П. Сахаровъ*); „Голосъ Истины“ (приложеніе къ газетѣ „Колоколь“), № 4 (Спб., январь 1909 г.), стр. 71—72 (священникъ *Сергій Соколовъ*); Отчетъ о состояніи С.-Петербургской Духовной Академіи за 1908 годъ при „Христіанскомъ Чтеніи“ 1909 г., № 3, и отдѣльно (Спб. 1909), стр. 5—7; Отчетъ о состояніи Казанской Духовной Академіи за 1907—1908 г. при „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1908 г., № 11, и отдѣльно (Казань 1908), стр. 10—11.—*Н. Н. Г.*

лѣе или менѣе опредѣленныя представленія объ отцѣ и матери Константина в. Болѣе подробными и, вѣроятно, болѣе точными свѣдѣніями мы обладаемъ о Констанціи. О немъ мы знаемъ много хорошаго и ничего дурного. Онъ даже представляется какимъ-то идеальнымъ государемъ и человѣкомъ, какимъ-то счастливымъ исключеніемъ въ ряду другихъ римскихъ императоровъ того времени. По словамъ церковнаго историка Евсевія (Ц. И. VIII, 13), Констанцій былъ государемъ самымъ кроткимъ, благосклоннымъ къ подданнымъ и весьма расположеннымъ къ христіанскому ученію; по своей жизни онъ оказывался выше другихъ современныхъ ему императоровъ, являлся правдивѣйшимъ и благодѣлительнѣйшимъ изъ всѣхъ. Правда, это—слова христіанскаго писателя, который могъ быть пристрастенъ къ отцу перваго христіанскаго императора; но нужно помнить, что мы не слышимъ голосовъ, которые бы дѣлали неблагопріятныя отзывы объ этомъ государѣ. У Евсевія (Ж. К. I, 14) мы находимъ рассказы, которые рисуютъ безкорыстіе и добрыя отношенія Констанція къ своимъ подданнымъ. Его благосклонное отношеніе къ христіанамъ засвидѣтельствовано и другимъ христіанскимъ писателемъ. Въ то время, какъ на всемъ Востокѣ кипѣло гоненіе Діоклитіаново, Констанцій на Западѣ (въ Галліи, Британіи) оставлялъ христіанъ неприкосновенными: они жили въ мирѣ и благоденствіи. Не имѣя возможности являться ослушникомъ воли Діоклитіана, старшаго изъ императоровъ, Констанцій въ своихъ владѣніяхъ позволилъ одно—разрушить нѣкоторые изъ христіанскихъ храмовъ (*Lactantii De mortib. persecut.*, cap. 15; ср. *Евсев.* Ц. И. VIII, 13 и Ж. К. I, 13). Особенно важно для насъ знать, какихъ религіозныхъ возрѣній держался Констанцій и насколько онъ способенъ былъ сдѣлать своего сына, Константина в., приверженцемъ христіанства. Разумѣется, Констанцій не былъ христіаниномъ; но о немъ извѣстно, что онъ отрекся отъ служенія многимъ языческимъ богамъ и поклонялся только единому Богу. Евсевій прямо говоритъ (Ж. К. I, 17), что онъ признавалъ „одного надъ всѣми Бога“. Все-таки это еще не былъ ни іудейскій, ни христіанскій монотеизмъ. Полагаютъ, что Констанцій былъ почитателемъ персидскаго божества Митры, культъ котораго былъ распространенъ между лицами военнаго сословія; это божество отличалось монотеистическимъ характеромъ, почиталось единымъ божествомъ—солнцемъ, и на римской почвѣ

это почитаніе сливалось съ солярнымъ божествомъ Аполлономъ. Культъ Митры внѣшне приближался къ христіанскому не только своимъ монотеизмомъ, но и своими обрядовыми особенностями:—поклонники Митры имѣли и свое крещеніе, и свою священную вечерю, свои посты и другія аскетическія упражненія ¹⁾. Возможно, что именно этотъ культъ, внѣшне сходный съ христіанскимъ, былъ культомъ Констанція. Евсевій приписываетъ благочестіе и всему дому этого императора; онъ говоритъ (Ж. К. I, 17), что Констанцій „весь домъ свой вмѣстѣ съ дѣтьми, женою и домашними посвящалъ одному Царю—Богу“. Тотъ же историкъ прибавляетъ (ibid.), что общество, собиравшееся во дворцѣ этого государя, походило на церковь Божию и что здѣсь находились и служители (христіанскаго) Бога, которые возносили молитвы о государѣ. Это описаніе характера двора Констанціева, съ перваго взгляда, представляется преувеличеннымъ; но на самомъ дѣлѣ Евсевій очень близокъ къ истинѣ. Нужно помнить, что по политическимъ расчетамъ Констанцій долженъ былъ удалить отъ себя Елену и жениться на падчерицѣ императора Максиміана Геркулія, правившаго Италію. Хотя Максиміанъ былъ грубый язычникъ, но тѣмъ не менѣе, по какой-то случайности, бракъ Констанція съ падчерицею этого язычника внесъ въ домъ его элементъ христіанскій. Новая супруга его называлась Теодорою—имя чисто христіанское; мало того: Теодора несомнѣнно была христіанкою, и только остается неяснымъ, была ли она христіанкою и тогда, когда она выходила замужъ, или же сдѣлалась такою впоследствии (на монетахъ Константина в. встрѣчается иногда изображеніе ея и при томъ съ христіанскими эмблемами). Дѣти Констанція и Теодоры, повидимому, были христіанами; напр. одна изъ дочерей ихъ называлась Анастасією—имя не встрѣчающееся и едва ли возможное у язычниковъ ²⁾.

Принимая во вниманіе сказанное нами о Констанціи и его царскомъ дворѣ, можно утверждать, что Константинъ в. встрѣтилъ во времена своего дѣтства условія, благопріятныя для своего нравственнаго и религіознаго воспитанія. У отца онъ могъ учиться кротости къ подчиненнымъ, любви и вни-

¹⁾ Prof. *Th. Zahn*, Constantin der Grosse und die Kirche въ *Skizzen aus dem Leben der alten Kirche* (Erlangen 1908³), S. 215—216.

²⁾ См. у Prof. *Victor Schultze*, Art „Konstantin der Grosse“ въ *R—E. von Herzog-Hauck X³*, S. 758.

манію къ христіанамъ, а отъ окружающихъ Констанція могъ и прямо знакомиться съ ученіемъ и вѣрою христіанскою. Но насколько то, другое или третье на самомъ дѣлѣ усвоено было Константиномъ въ это время,—мы мало знаемъ. Во всякомъ случаѣ Евсевій имѣлъ основаніе утверждать (Ж. К. I, 12), что „соревнованіе отцу призывало сына (Константина) къ подражанію ему въ доблестяхъ“.

Всего естественнѣе было бы ожидать фактовъ, которые указывали бы особенно благотворное вліяніе на Константина в. въ дѣтскомъ и отроческомъ его возрастѣ со стороны его матери—Елены, причисленной къ лику святыхъ; но, къ сожалѣнію, о матери Константина мы очень мало знаемъ за этотъ періодъ. Намъ неизвѣстенъ нравственный обликъ ея, и мы не имѣемъ свѣдѣній о вліяніи ея на характеръ и воспитаніе своего сына. А важнѣе всего то, что мы не можемъ утверждать, была ли христіанкою Елена во время нѣжнаго возраста сына и, слѣдовательно, участвовала ли она въ приготовленіи сына къ принятію имъ христіанства. Правда, историкъ Θεодоритъ именуетъ (Ц. И. I, 18) ее „родительницею этого свѣта (т. е. сына-христіанина) и питательницею его благочестія“. Но это извѣстіе историка V-го вѣка находитъ себѣ опроверженіе у Евсевія, который очень ясно говоритъ, что—напротивъ—Елена обязана своимъ обращеніемъ къ христіанству сыну своему, Константину в. Онъ пишетъ (Ж. К. III, 47): „изъ неблагочестивой (т. е. язычницы) царь сдѣлалъ ее столь благочестивою, что въ правилахъ благочестія она казалась наставленною самимъ Спасителемъ“. Константинъ в., какъ видно изъ всего, очень высоко чтить свою мать,—и, безъ сомнѣнія, было за что; но во всякомъ случаѣ о значительномъ вліяніи Елены на Константина въ дѣтскомъ его возрастѣ мы не имѣемъ основаній говорить.

Очень важное значеніе въ воспитаніи характера и христіанскихъ убѣжденій Константина в. имѣло его продолжительное пребываніе при дворѣ старшаго императора, Діоклитіана, въ Никомидіи (*Евсев.* Ж. К. I, 19. II, 51). Послалъ ли Констанцій своего сына сюда съ цѣлію выработать изъ него многосторонняго и опытнаго администратора и офицера, или же самъ Діоклитіанъ потребовалъ Константина в. въ Никомидію въ качествѣ заложника въ вѣрности его отца старшему императору, т. е. Діоклитіану,—въ томъ и другомъ случаѣ пребываніе Константина в. при дворѣ должно было

имѣть для него большое воспитательное значеніе. Оно продолжалось, можетъ быть, болѣе десяти лѣтъ и началось въ то самое время, когда слагаются характеръ и нравственная личность человѣка. (Онъ былъ въ это время, по словамъ Евсевія, *κοιδῆ καίς*). Въ особенности очень важно пребываніе Константина в. здѣсь для его христіанскаго роста. Повидимому, жизнь Константина в. при дворѣ жестокаго гонителя христіанъ не могла оказываться благопріятною для христіанскаго воспитанія Константина в., но на самомъ дѣлѣ съ христіанами и ихъ достоинствами онъ нигдѣ не могъ ознакомиться въ такой мѣрѣ, какъ именно на Востокѣ, при дворѣ императорскомъ, и въ такую эпоху, какъ гоненіе Діоклитіаново. Самъ Константинъ в. впоследствии прямо признавалъ, что пребываніе при дворѣ Діоклитіана было дѣломъ не послѣднимъ въ его приготовленіи къ принятію христіанства и къ христіанской дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, при дворѣ Діоклитіана онъ могъ познакомиться съ лучшими людьми изъ христіанскаго общества, которыхъ было не мало на службѣ у Діоклитіана, и, ознакомившись, могъ цѣнить ихъ ревность, честность, вѣрность, преданность и достоинства ихъ жизни. Въ штатѣ Діоклитіановскаго двора мы встрѣчаемъ христіанъ въ высокихъ должностяхъ. Такъ, Лукіанъ имѣлъ должность, соотвѣтствующую камергерской; Горгоній и Дороеей принадлежали къ лицамъ приближеннымъ къ императору; нѣсколько христіанскихъ юношей находились при дворѣ въ качествѣ императорскихъ пажей. По свидѣтельству Евсевія (Ц. И. VIII, 1 и 6) нѣкоторые христіане занимали также видныя мѣста въ административныхъ сферахъ тогдашней имперіи. Такъ было, конечно, до времени гоненія. Жизнь христіанъ и сношенія Константина в. съ достойнѣйшими изъ нихъ при дворѣ, которымъ не могли отказывать въ уваженіи даже такіе враги христіанства, какъ Діоклитіанъ, должны были показывать Константину в., что за люди были христіане, какъ много хорошаго вносило христіанство въ гражданскія отношенія. Здѣсь, на Востокѣ, онъ могъ придти къ правильному представленію о силѣ и распространенности христіанства; онъ могъ видѣть здѣсь „многолюдныя собранія во всякомъ городѣ и стеченія христіанъ въ молитвенныхъ домахъ, обширныя церкви“ (Евсев. Ц. И. VIII, 1). Но вотъ кончились времена мира для христіанъ. Діоклитіанъ изъ благосклоннаго къ христіанамъ дѣлается жестокимъ гонителемъ.

христіанъ (303—305 г.). Кровь ни въ чемъ неповинныхъ христіанъ льется ручьями; самыя приближенныя къ Діоклитіану лица изъ христіанъ безпощадно наказываются и даже убиваются. Нельзя было смотрѣть на это зрѣлище безъ глубокаго сожалѣнія, а вмѣстѣ и уваженія къ невиннымъ страдальцамъ. Вотъ что, напр., происходило въ самой Никомидіи на глазахъ Константина. Тѣ, кто еще вчера окружалъ царскій тронъ, влекутся нынѣ на казнь, и именно они первыми изъ всѣхъ христіанъ (*Евсев. Ж. К. I, 15*). Священники, служители алтаря, безъ всякихъ допросовъ предавались въ руки палачей. Лица нечиновныя всякаго возраста и пола не рѣдко ввергались въ огонь, другихъ бросали въ море, привязавъ камень на шею. Съ каждымъ днемъ выдумывались новыя и новыя казни для христіанъ. Гоненіе никого не щадило. Оно было такъ распространено, что Лактанцій, пользуясь словами Вергилія, говорилъ (*De mort. pers., cap. 16*): „еслибы у меня была сотня устъ и желѣзный языкъ, то и тогда бы не могъ я поименовать всѣ наказанія“, приготовленныя для вѣрующихъ. Силѣ и свирѣпости гоненія соотвѣтствовала и ревность христіанъ къ вѣрѣ. Въ сознаніи своей невинности „цѣлыми тысячами“ шли они на смерть (*Евсев. Ц. И. VIII, 4*). Могъ ли Константинъ в., смотря на безпричинную свирѣпость гонителей христіанъ, на тысячи жертвъ императорской политики, на твердость и мужество христіанъ, чѣмъ они громче всякихъ словъ говорили, что вѣра ихъ святая истина,—могъ ли онъ, видя все это, не понимать, что христіане и христіанство это—могучая сила, пришедшая въ міръ и требовавшая глубокаго уваженія къ себѣ? Если же при этомъ взять во вниманіе, что Константинъ в., видя гоненіе Діоклитіаново и сопровождавшія его волненія и безпорядки, не могъ не отдавать предпочтенія образу дѣятельности своего отца Констанція, который неизмѣнно благоволилъ къ христіанамъ и въ этомъ находилъ залогъ общественнаго спокойствія, то сердце Константина в. однажды навсегда должно было отречься отъ всякой ненависти къ христіанамъ, даже только ради блага имперіи. Какіе уроки Константинъ вынесъ изъ обстоятельствъ своего пребыванія „при дворѣ тирана“,—объ этомъ впоследствии самъ онъ заявлялъ при различныхъ случаяхъ. Это пребываніе навсегда поселило въ немъ отвращеніе къ казнямъ христіанъ. „Я отчуждился отъ бывшихъ доселѣ правителей потому, что видѣлъ дикость ихъ нравовъ“ (*Евсев.*

Ж. К. II, 49) ³⁾. Онъ пришелъ къ мысли, что гнать христіанъ есть дѣло безсмысленное, ни къ чему, кромѣ вреда, не ведущее. Впослѣдствіи Константинъ в. изумленно восклицалъ (*Oratio ad sanct. coetum*, cap. 25): „какая была Діоклитіану польза вступать въ войну съ нашимъ Богомъ“, т. е. христіанскимъ? Послѣ этого нисколько неудивительно, если Константинъ в., сдѣлавшись императоромъ крайняго Запада по смерти отца, въ 306 г., подъ живымъ впечатлѣніемъ только-что видѣннаго имъ гоненія, счелъ первымъ долгомъ объявить въ своихъ областяхъ свободу христіанскаго исповѣданія (*Lactant. De mort. pers.*, cap. 24).

Условія жизни Константина в., рассказанныя нами доселѣ, въ общемъ имѣли то благодѣтельное слѣдствіе, что воспитывали въ немъ благорасположенность къ христіанству, побуждали его навсегда отказаться отъ преслѣдованій на христіанъ и цѣнить ихъ, какъ усердныхъ подданныхъ. Этимъ опредѣлялась для Константина в. политика мира въ отношеніи къ христіанамъ. Тѣмъ не менѣе, и сдѣлавшись императоромъ крайняго Запада, занявъ мѣсто отца своего Констанція, онъ не былъ христіаниномъ и пока не пришелъ къ мысли, что ему нужно сдѣлаться христіаниномъ. Въ душѣ его еще происходила борьба старыхъ языческихъ идей съ новыми христіанскими. И неизвѣстно, долго ли душа его оставалась бы въ колеблющемся, нерѣшительномъ положеніи, еслибы трудныя и грозныя обстоятельства не склонили его искать помощи у Бога, а этотъ Богъ дивнымъ образомъ и утвердилъ его въ этомъ рѣшеніи. Въ 312 году Константинъ в. вознамѣрился предпринять военный походъ противъ римскаго императора Максенція. Цѣлю этого похода частію были виды филантропическіе:—Константинъ в. хотѣлъ исхитить Римъ изъ рукъ тирана. Походъ представлялъ очень многія трудности: самому популярному полководцу, любимому войсками, не легко было заставить свою армію пойти съ мечемъ въ сердце Италіи, внести войну въ священную для язычниковъ почву Рима, сдѣлать нападеніе на Капитолій. Подобное предпріятіе обыкновенно производило въ римскихъ войскахъ глубокой ропоть неудовольствія.

³⁾ При этомъ замѣчается, со словъ самого Константина в., что послѣдній еще во времена пребыванія при Діоклитіанѣ убѣдился въ ничтожествѣ оракуловъ Аполлона и ихъ вредоносности для христіанъ (*Евсев. Ж. К. II, 50*).

Случалось, что армія отказывалась идти противъ Рима. Самъ Константинъ в. не могъ освободиться отъ чувства невольнаго страха, отваживаясь на походъ противъ Рима. При томъ Константинъ в. никогда не былъ въ Римѣ, не видалъ его, а потому этотъ городъ казался ему какимъ-то грознымъ исполиномъ. Наконецъ, Константину в. было извѣстно, что войско, которымъ располагалъ его противникъ Максенцій, было многочисленнѣе его войска. Походъ на всемірную столицу и въ Италію представлялся очень смѣлымъ и рискованнымъ. Надѣяться на однѣ человѣческія силы и средства было недостаточно. Въ полководцѣ являлось искреннее желаніе исканія помощи сверхъестественной. Вотъ какъ Евсевій описываетъ состояніе духа Константина в. въ виду грозныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находился онъ теперь. Константинъ в. „сталъ думать, какого Бога призвать бы себѣ на помощь. При рѣшеніи этого вопроса ему пришло на память, что немалое число прежнихъ державныхъ лицъ, возложивъ свою надежду на многихъ боговъ и служа имъ жертвами и дарами, были вводимы въ обманъ льстивыми оракулами, обольщались благопріятными предсказаніями и оканчивали свое дѣло неблагопріятно. Константинъ основательно разсуждалъ, что полагавшіеся на многихъ боговъ подвергались и многимъ бѣдствіямъ“. Въ этихъ размышленіяхъ Константина в. выражалось уже полное невѣріе въ языческихъ боговъ; сердце его далеко отстояло отъ нихъ. Язычество представлялось ему ложью, сплетеніемъ обмановъ. Когда его мысли переносились къ политическимъ переворотамъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, ему живо представлялось, что въ самое короткое время, напр., погибли уже двое изъ лицъ, на его глазахъ полновластно распоряжавшихся судьбами всемірной имперіи. Они имѣли „постыдный конецъ“. Въ силу этихъ размышленій,—по словамъ Евсевія,—Константинъ рѣшилъ, что не слѣдуетъ „попусту держаться боговъ несуществующихъ и послѣ столькихъ доказательствъ оставаться въ заблужденіи“ (Ж. К. I, 27). Мысль Константина в. искала на небесахъ истиннаго Бога, вѣрнаго помощника въ браняхъ. Константину в. тѣмъ необходимѣе было противопоставить могуществу Максенція какую-либо новую, неизвѣданную силу, что этотъ послѣдній употреблялъ всѣ мѣры, чтобы заручиться покровительствомъ боговъ языческихъ: онъ совѣтовался съ книгами Сивиллиными, га-

далъ по внутренностямъ беременныхъ женщинъ, приносилъ въ жертву львовъ; „этими способами онъ надѣялся одержать побѣду“ (Евсев. Ж. К. I, 37. *Lactant. De mort. pers.*, cap. 44). Чѣмъ болѣе Максенцій обставлялъ себя религіозными церемоніями, тѣмъ болѣе и Константинъ в. съ своей стороны, потерявъ вѣру въ могущество языческихъ боговъ, однако же религіознымъ упованіямъ своего врага долженъ былъ противопоставить подобныя же упованія. Но мысленный взоръ Константина в., отвращаясь вѣры въ язычество и не имѣя вѣры въ христіанскаго Бога, тщетно блуждалъ по сторонамъ. Единственно, на чемъ могъ Константинъ остановиться мыслию, это былъ Богъ отца его, Констанція, единый и верховный владыка всего. И вотъ среди недоумѣній Константинъ в. возноситъ молитву тому Богу, который могъ бы помочь ему, даровать ему побѣду. Молитва Константина в. была услышана.

Теперь мы подошли къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ сказаній изъ жизни Константина в. Разумѣемъ сказаніе о видѣніи имъ днемъ на небѣ, составившагося изъ яркаго свѣта, изображенія креста. Этотъ рассказъ, со словъ самого императора, оповѣщенъ знаменитымъ Евсеіемъ. Вотъ въ краткихъ чертахъ это повѣствованіе (Ж. К. I, 27—31). „Однажды послѣ полудня, когда солнце уже начало склоняться къ западу, Константинъ собственными глазами узрѣлъ сложившееся изъ свѣта и лежавшее выше солнца (или надъ солнцемъ: ὑπερήμενον τοῦ ἡλίου) знаменіе креста (σταυροῦ τροπαίου) съ надписью: с имъ побѣждай [т. е., конечно, по смыслу разсказа, съ латинскою надписью: hoc vinces]. Это зрѣлище обьяло ужасомъ какъ его самого, такъ и все войско. Константинъ, однако же, находился въ недоумѣніи и говорилъ самъ себѣ: чтò значило бы такое явленіе? Но между тѣмъ какъ думалъ онъ такимъ образомъ, наступила ночь. Тогда во снѣ явился ему Христосъ съ показаннымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ, сдѣлавъ знамя, подобное этому, показанному на небѣ, употреблять его для защиты отъ нападенія враговъ“. Поднявшись отъ сна, онъ собралъ мастеровъ, умѣвшихъ дѣлать драгоценныя вещи, приказалъ имъ изъ золота и драгоценныхъ камней соорудить знамя, сходное съ видѣннымъ имъ во снѣ, при чемъ обстоятельно описалъ это знамя (τοῦ σημεῖου τὴν εἰκόνα). Приказаніе его было исполнено. Этимъ знаменемъ, какъ оборонительнымъ оружіемъ, Кон-

стантинъ в. всегда пользовался въ сраженіяхъ съ непріателемъ.

Произошло,—по разсказу Евсевія,—событіе необычайное и таинственное. Разумѣется, современная наука,—не только свѣтская, но и богословская,—очень неохотно склоняетъ свой слухъ къ этому разсказу и прибѣгаетъ къ разнымъ способамъ, чтобы свести его на „нѣтъ“, совсѣмъ отвергнуть его, или же придать ему болѣе или менѣе удобопріемлемый натуральный смыслъ, т. е. истолковать его такъ, чтобы чудесность его возможно менѣе бросалась въ глаза. Первое дѣлается обыкновенно въ западной наукѣ и преимущественно въ протестантской (за рѣдкими исключеніями); примѣръ второго рода отношенія къ разсказу началъ встрѣчаться и въ нашей наукѣ. Разумѣемъ не очень давнюю актовую рѣчь, написанную проф. Московскою Духовною Академіи А. А. Спасскимъ: „Обращеніе Константина Великаго въ христіанство“ ⁴⁾. Любопытно видѣть, какъ оперируютъ надъ вопросомъ русскіе изслѣдователи, а потому остановимся на разсмотрѣніи указанной рѣчи,—тѣмъ болѣе, что, сколько знаемъ, это первый опытъ скептическаго отношенія къ разсказу Евсевія въ русской церковно - исторической литературѣ, а можетъ быть и вообще въ русской наукѣ. Какой путь избираетъ А. А. Спасскій для достиженія своей цѣли? Авторъ собственно избираетъ два главные способа для того, чтобы уменьшить престижъ разсказа Евсевія и привести въ сомнѣніе этотъ разсказъ. Во-первыхъ, онъ старается отдать предпочтеніе предъ сказаніемъ Евсевія сказанію Лактанція, который признаетъ, что видѣніе Константиново было не на яву, а во снѣ; во-вторыхъ, А. А. Спасскій усиливается въ разсказѣ историка Созомена о событіи отыскать слѣды скептическаго отношенія древней церковной историографіи къ чудесному разсказу отца церковной исторіи.

Начнемъ съ Лактанція. Проф. А. А. Спасскій пишетъ: „Кесарійскій (?) историкъ по части своего разсказа имѣетъ опаснаго соперника въ другомъ христіанскомъ современникѣ Константина, извѣстномъ Лактанціи, который разсказываетъ о томъ же чудесномъ событіи въ жизни Константина. но

⁴⁾ Брошюра (стр. 1—74) подъ такимъ заглавіемъ отдѣльно имѣетъ дату: „Свято-Троицкая Сергіева Лавра 1905“; она составляетъ оттискъ изъ „Бог. Вѣстн.“, гдѣ рѣчь напечатана статьями въ 1904 г. (т. III) и 1905 г. (т. I).

передаетъ его значительно иначе. Лактанцій—не случайное какое-либо лицо въ вопросѣ о видѣніи Константина. Ученый риторъ, изъ язычества обратившійся въ христіанство и своими произведеніями стяжавшій славу христіанскаго Цицерона, Лактанцій бытъ можетъ въ 307 или 308 г. бытъ призванъ Константиномъ къ себѣ, чтобы стать воспитателемъ старшаго сына Криспа ⁵⁾, и съ тѣхъ поръ находился при дворѣ Константина. Поэтому, Лактанцію скорѣе, чѣмъ кому-либо другому, должны были бытъ извѣстными чудесныя обстоятельства, сопровождавшія походъ на Максенція, и дѣйствительно въ своемъ сочиненіи „О смерти гонителей“, написанномъ не позже 315 года, т. е. самое большое года два спустя послѣ похода ⁶⁾, онъ, описывая этотъ походъ, точно (?) указываетъ время и мѣсто совершавшихся здѣсь событій ⁷⁾. Но онъ ничего не знаетъ о явленіи креста на

⁵⁾ См. у А. А. Спасскаго: Брош., 25; „Бог. Вѣст.“ 1904 г., III, 651. Итакъ, въ 307 или 308 г. Лактанцій призванъ Константиномъ в. для воспитанія Криспа! Но это въ высшей степени невѣроятно. Криспъ родился въ 306 или даже 307 году: слѣдовательно, въ 307—308 г. онъ нуждался не въ учителѣ, а въ мамкѣ (дата рожденія Криспа указывается историкомъ *O. Seeck*'омъ въ *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*, Berlin 1897—1898, I, S. 475, — Seeck'омъ, писателемъ очень авторитетнымъ для г. Спасскаго: см. его брош., 51 примѣч.; „Бог. Вѣст.“ 1905 г., I, 73). Да и могъ ли въ 307 году Константинъ в, тогда еще язычникъ, интересоваться „христіанскимъ Цицерономъ“ и приглашать его для воспитанія сына, еслибы его сынъ нуждался уже въ педагогическомъ руководствѣ? Впрочемъ, г. Спасскій потомъ отказывается отъ указанной даты: 307—308 годъ (Брош., 35; „Бог. Вѣст.“ 1904 г., III, 661).

⁶⁾ Не въ 315 году написана книга *De mort. persec.*, а даже раньше, еще ближе къ разбираемому нами событію,—въ 313 году, но написана не на Западѣ, не въ Галліи, не въ Трирѣ, гдѣ въ послѣдствіи Лактанцій училъ наукамъ Криспа, а на Востокѣ, въ *Никомидіи*, прежде вызова Лактанція въ Триръ и—значитъ—прежде знакомства его съ Западомъ. Таково утвержденіе ꙗ проф. *В. В. Болотова* (см. отзывъ его о сочиненіи проф. А. И. Садова, Древне-христ. писатель Лактанцій, Спб. 1900, стр. 46). Указываемъ на Болотова потому, что если онъ авторитетенъ для кого, то въ особенности для проф. А. А. Спасскаго, который говоритъ о себѣ: „мы намѣренно включаемъ въ свою статью все, что мы нашли у Болотова касательно нашего вопроса“ (Брош., 29 прим.; „Бог. Вѣст.“ 1904 г., III, 655).

⁷⁾ Напротивъ: очень не точно. *Victor Schultze* признаетъ рассказъ Лактанція о событіи въ хронологическомъ отношеніи—невѣрнымъ: „zeitlich falsch“ (R.—E. von Herzog-Hauck X³, S. 762), а равно и мѣсто событія указано у Лактанція не точно. Дѣло происходило въ то время, когда войско Константина в. едва двинулось и не знало еще, куда его

солницѣ (!)⁸⁾. Все его извѣстіе сводится къ тому, что Константинъ, приблизившись къ Риму незадолго до послѣдней битвы съ Максенціемъ, во время сна (in quiete) получилъ вразумленіе свѣта (?!)⁹⁾ (commonitus est—былъ побужденъ) изобразить на щитахъ войска небесное знаменіе (coeleste insignum)¹⁰⁾, которое состояло (!) изъ монограммы имени

ведуть (Ж. К. I, 23. 37). Какъ объясняетъ Шультце, событіе произошло въ началѣ похода, *весною* 312 года и, вѣроятно, еще въ предѣлахъ Галліи (ibid.). А по Лактанцію событіе случилось глубокою *осенью*, при видѣ Рима (cap. 44: imminabat dies, quo Maxentius imperium seperat, qui est ad sextum calendas Novembres,—т. е. 28 октября; дальше слѣдуетъ разсказъ о видѣніи и сраженіи со врагомъ). Вообще, наукою признано, что Лактанцій въ своихъ извѣстіяхъ по части исторіи Запада очень не точенъ. *O Seeck* говоритъ (S. 482): „in der Geschichte des Westens seine Darstellung wimmelt von gröbsten Fehlern“. Для придворнаго человѣка, какимъ считаютъ Лактанція въ эпоху событія, такое явленіе непостижимо,—тѣмъ болѣе, что въ качествѣ „историка Востока“ тотъ же Лактанцій является прекраснѣйшимъ источникомъ (ibid.).

⁸⁾ „Лактанцій ничего не знаетъ о явленіи креста на солницѣ“! Вѣрно. Но вѣдь объ этомъ почти никто не знаетъ, кромѣ г. Спасскаго и его руководителя. Не только у Лактанція, но и у Евсевія ни о какомъ явленіи креста на солницѣ ничего не говорится. Г. Спасскій, приводя сказаніе Евсевія о событіи, говоритъ: „царь собственными глазами увидаль составившееся изъ свѣта и лежащее на солницѣ (послѣднія слова,—добавимъ отъ себя,—читаются въ оригиналѣ такъ: *ἑπερκειμενον τοῦ ἡλίου*) знаменіе креста съ надписью“ (Брош., 22; „Бог. Вѣст.“ 1904 г., III, 648). При другомъ случаѣ, поясняя эту мысль, г. Спасскій говоритъ о „знаменіи, явленномъ Константину на солницѣ и составившемся изъ свѣта лучей, лежавшихъ на солницѣ“ (Брош., 64; „Бог. Вѣст.“ 1905 г., I, 86). Это странное извѣстіе онъ повторяетъ много разъ. Авторъ допускаетъ чудо изъ чудесъ, чудо въ чудѣ: свѣтовой крестъ, лежащій на солницѣ, т. е. свѣтъ на свѣтѣ. Это все равно, что допускать возможность водяного изображенія креста на рѣкѣ. Чудо это создано г. Спасскимъ, который слишкомъ довѣрчиво отнесся къ русскому переводу *Vitae Constantini*, сдѣланному неизвѣстнымъ петербуржцемъ (рус. пер., стр. 78). Этотъ переводъ ввелъ въ заблужденіе ранѣе † проф. И. В. Чельцова и нѣкоторыхъ другихъ, а теперь автора академической рѣчи. Дѣло въ томъ, что глаголь *ἑπερκειμαι* не значитъ „лежать на чемъ“, а лежать надъ чѣмъ, выше чего. Такимъ образомъ чудо, передаваемое профессоромъ со словъ будто бы Евсевія,—упрощается.

⁹⁾ „Получилъ вразумленіе свѣта“! Что это значить? Въ текстѣ Лактанція нѣтъ словъ, соответствующихъ этому переводу. Можетъ быть, г. Спасскій такъ переводитъ слова: *coeleste signum*, но, во-1-хъ, это очень произвольно, а, во-2-хъ, такой переводъ играетъ въ руку Евсевія и его сторонниковъ, ибо „вразумленіе свѣта“ немислимо во свѣ.

¹⁰⁾ Въ текстѣ Лактанція: *signum*, а не *insignum*.

Христа, и съ этимъ знаменемъ побѣдилъ тирана ¹¹⁾). Лактанцій такимъ образомъ подтверждаетъ лишь вторую половину разсказа Евсевія о ночномъ видѣніи ¹²⁾, не возбуждающую никакого сомнѣнія. Но за то тѣмъ большій вѣсъ приобретаетъ молчаніе его о первой, болѣе спорной, части разсказа касательно видѣнія на солнцѣ (?), потому что трудно допустить, чтобы столь необычайное событіе, случившееся въ виду всего войска, могло оставаться неизвѣстнымъ ни самому Лактанцію, воспитателю дѣтей (сына?) Константина, ни тѣмъ придворнымъ кружкамъ, въ которыхъ онъ вращался“. (Брош., стр. 25—26; „Бог. Вѣстн.“ 1904 г., III, стр. 651—652).

Попутно мы уже сдѣлали нѣсколько замѣчаній съ цѣлю ослабить аргументацію проф. А. А. Спасскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ понизить значеніе свидѣтельства Лактанція по поводу интересующаго насъ событія. Но этими замѣчаніями нельзя ограничиться. Нужно подвергнуть критикѣ главнѣйшіе выводы разсматриваемаго русскаго автора. Онъ говоритъ, что „Лактанцій въ своихъ извѣстіяхъ подтверждаетъ лишь вторую часть разсказа Евсевія о ночномъ видѣніи, не возбуждающую никакого сомнѣнія“. Этими словами, по нашему мнѣнію, сказано частію очень мало, а частію очень много. Въ самомъ дѣлѣ, если внимательно взглядемся въ разсказъ Лактанція, то найдемъ, что, повидимому, онъ зналъ не одни слухи о ночномъ видѣніи Константина в., а что-то больше. Разсказъ начинается словами: „Константинъ былъ увѣщываемъ (неизвѣстно—къмъ) во снѣ изобразить *небесное Божіе знаменіе* (coeleste signum Dei) на щитахъ“. Что это за знаменіе? Когда Константинъ в. видѣлъ его? Нельзя думать, что это знаменіе онъ видѣлъ во снѣ. Тогда оно было бы не „небесное Божіе знаменіе“, а сонное видѣніе. Первое названіе было бы слишкомъ торжественно по отношенію къ сонному видѣнію. Очевидно, сонному явленію предшествовало какое-то явленіе на

¹¹⁾ Словами: „и съ этимъ знаменемъ побѣдилъ тирана“ г. Спасскій перевелъ слѣдующую фразу Лактанція: quo signo armatus exercitus capit ferrum. Соответствія почти нѣтъ.

¹²⁾ Приводимъ полный текстъ того мѣста изъ Лактанція, надъ которымъ оперируетъ г. Спасскій въ вышеприведенныхъ своихъ разсужденіяхъ: Communitus est in quiete Constantinus, ut coeleste signum Dei notaret in scutis atque ita praelium committeret. Facit ut jussus est et transversa X litera, summo capite circumflexo Christum in scutis notat. Quo signo armatus exercitus capit ferrum (cap. 44).

небѣ, посланное отъ Бога, и происходило оно, повидимому, наяву. Лактанцій только почему-то не хочетъ говорить о немъ ¹³). Самъ г. Спасскій невольно признаётъ это, когда, опираясь на Лактанція, говоритъ о какомъ-то „вразумленіи Константина свѣтомъ“. Вѣдь не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, какой-то „сонный свѣтъ“ произвести тѣ послѣдствія, о которыхъ рѣчь идетъ далѣе у Лактанція! Разсказъ Лактанція начинается не съ начала. Если г. Спасскій представляетъ себѣ, что такое за „свѣтъ“, который „вразумлялъ“ Константина в., то почему онъ ясно не сказалъ объ этомъ? Намъ думается, что еслибы нашъ изслѣдователь занялся разъясненіемъ: что такое *coeleste signum Dei*, то онъ долженъ былъ бы сознаться, что подъ этими терминами едва ли можно разумѣть другое что, кромѣ какого-то необыкновеннаго небеснаго феномена ¹⁴). Съ другой стороны, какъ мы указали выше, г. Спасскій допускаетъ слишкомъ много, когда говоритъ, что разсказъ Лактанція подтверждаетъ ту половину повѣствованія Евсевія, въ которой сообщается о ночномъ видѣніи. У Евсевія прямо говорится, что во снѣ ночью явился Константину в. Христосъ. Ничего такого не „подтверждаетъ“ Лактанцій. Кто привидѣлся во снѣ Константину,—мы совсѣмъ не знаемъ: латинскій писатель говоритъ объ этомъ загадочно. По Евсевію, очень ясно выходитъ, что приказалъ Христосъ сдѣлать Константину в., а по Лактанцію — ничего не поймешь,—не поймешь, что это за *coeleste signum Dei*, которое приказалъ изобразить на щитахъ неизвѣстный. Вѣроятно же всего, по Лактанцію, являлся во снѣ Константину в. вовсе не Христосъ, а какой-нибудь ангелъ ¹⁵). Что же тутъ общаго между Евсевіемъ и Лактанціемъ? Судя по тому, что вслѣдъ за тѣмъ на щитахъ у воиновъ появляется что-то въ родѣ монограммы (а можетъ быть и изображеніе креста чрезъ

¹³) А почему онъ могъ не хотѣть этого,—объ этомъ нѣкоторыя догадки дѣлаетъ вышеупомянутый нами Prof. V. *Schultze* (слова его при ведемъ нѣсколько ниже на стр. 690).

¹⁴) Нѣкоторые комментаторы Лактанція склонны видѣть въ *coeleste signum Dei* указаніе на явленіе Константину в. креста на небѣ. См. *Migne lat.* VII, col. 813.

¹⁵) По извѣстіямъ Руфина, чудесное событіе, о которомъ мы ведемъ рѣчь, какъ и по Лактанцію, сводится къ сонному видѣнію, при чемъ дѣйствующими лицами являются именно ангелы. Версія Руфина и Лактанція имѣютъ между собою нѣчто общее, но о Руфиновомъ сказаніи рѣчь череди (стр. 692 сл.).

нѣкоторое измѣненіе положенія буквы X—transversa X litera); но спрашивается: неизвѣстный, явившійся Константину в. (думаемъ,—ангелъ), неужели только и сдѣлалъ, что сообщилъ свѣдѣнія о буквѣ X? Если такъ, то ни для Константина в., ни для войска такого рода откровеніе не могло имѣть ни малѣйшаго значенія. Такимъ образомъ, г. Спасскій явно преувеличиваетъ значеніе разсказа Лактанція: этотъ разсказъ ничуть не подтверждаетъ сказанія Евсевія о ночномъ явленіи Христа; напротивъ, онъ ни одною чертой не сходится съ упомянутымъ сказаніемъ историка церкви. Разсказъ Лактанція не ясенъ, не понятенъ, не производитъ никакого впечатлѣнія. Онъ такъ же отличается отъ Евсевіева, какъ сонъ отъ дѣйствительности. Лактанцій слышалъ звонъ, да не зналъ, откуда онъ. Впрочемъ, и могъ ли сообщить что-либо существеннаго о событіи Лактанцій, который писалъ свое сочиненіе *De mortibus persecutorum* не на Западѣ, въ Трирѣ, а на Востокѣ, въ Никомидіи, и который прибылъ на Западъ ко двору Константина в. только въ 314 или 315 году ¹⁶⁾, когда вышеназванное сочиненіе было издано и никакія дальнѣйшія улучшенія были въ немъ невозможны?

Здѣсь будетъ уместно (а, пожалуй, и любопытно) привести сужденіе нѣмецкаго профессора *Vict. Schultze*, который дѣлаетъ сравнительную оцѣнку сказаній Евсевія и Лактанція по занимающему насъ вопросу. „Со временъ Буркгардта (т. е. съ 50-хъ годовъ XIX вѣка),—говоритъ онъ,—сдѣлалось обычнымъ безо всякихъ околичностей отвергать клятвенное свидѣтельство Константина (въ удостовѣреніе дѣйствительности видѣнія имъ креста на небѣ), какъ лжесвидѣтельство, а Евсевія объявлять соучастникомъ въ распространеніи басни, но,—заявляетъ нѣмецкій ученый,—объективное разсмотрѣніе дѣла не оправдываетъ такого приговора, если при этомъ не станемъ заводить споровъ о томъ, что, благодаря риторическому стилю повѣствователя, факты у него переплетаются съ рефлексіями и фантазіями. Сюда относятся описаніе настроеній Константина, описаніе лабарума (крестной хоругви, устроенной имъ), такъ какъ Евсевій по ошибкѣ сообщаетъ

¹⁶⁾ По основательному мнѣнію † проф. *В. В. Болотова*, вызовъ Лактанція послѣдовалъ въ этоименно время (Отзывъ о сочиненіи *А. И. Садова*, стр. 68). Въ самомъ дѣлѣ, не къ чему было вызывать Лактанція раньше, когда извѣстно, что Криспъ родился въ 306—307 году и не могъ нуждаться въ серьезномъ ученіи ранѣе 314—315 года.

извѣстія о лабарумѣ въ позднѣйшей его формѣ,—въ той, въ какой историкъ самъ видѣлъ хоругвь“ и пр. Что касается Лактанціева сказанія, то нѣмецкій ученый прямо объявляетъ, что „предпочтеніе Лактанція Евсеію въ этомъ вопросѣ (о таинственномъ видѣніи) ни на чемъ не основано; ибо онъ (не только не знаетъ того, о чемъ сообщаетъ Евсеій, но и) почему-то ничего не знаетъ объ *exercitus visos, qui se divinitus missos prae se ferebant*, о каковомъ чудѣ говоритъ языческій панегиристъ Назарій, и о чемъ распространень былъ слухъ въ цѣлой Галліи (*in ore omnium Galliarum*); да и рассказъ Лактанція о ночномъ явленіи Константину отличается лживостію въ хронологическомъ отношеніи“. Въ заключеніе проф. Schultze даетъ понимать, что едва ли Лактанцій не зналъ о чудесахъ, которыми сопровождался,—по общему увѣренію,—походъ Константина на Римъ; онъ зналъ о нихъ, но не желалъ рассказывать объ этомъ или потому, что, какъ „человѣкъ просвѣщенный“, считалъ себя въ правѣ сомнѣваться въ рассказываемыхъ чудесахъ, или потому, что съ его точки зрѣнія чудеса были явленіями очень обычными, и онъ не считалъ нужнымъ давать мѣста рассказамъ о нихъ въ своемъ очень краткомъ историческомъ очеркѣ (*De mort. pers.*). Во всякомъ случаѣ,—по сужденію цитируемаго ученаго,—молчаніе Лактанція о томъ, о чемъ рассказываютъ и Евсеій и панегиристъ Константина в. Назарій, не колеблетъ авторитета Евсеія и не даетъ основаній строго судить Назарія ¹⁷⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что протестантизмъ нѣмецкаго ученаго вовсе не мѣшаетъ ему быть бѣльшимъ другомъ Евсеія, чѣмъ Лактанція, хотя обыкновенно протестанты, когда рѣчь идетъ о явленіи Константину в., рѣшительно предпочитаютъ свидѣтельство послѣдняго свидѣтельству перваго.

Второю инстанціей, послѣ Лактанція, позволяющею скептически смотрѣть на рассказъ о явленіи креста Константину в., проф. А. А. Спасскій считаетъ, какъ мы говорили уже, утверждаемое имъ критико-скептическое отношеніе историка Созомена къ изучаемому нами рассказу Евсеія. Признаемся, это такъ ново:—Созомень въ роли критика, да кого же? самого Евсеія! Неожиданно!

Но не станемъ забѣгать впередъ. Выслушаемъ прежде то, что говорить г. Спасскій въ разъясненіе своего тезиса.

¹⁷⁾ R.—E. von Herzog-Hauck X³, S. 762.

„Общепризнанный авторитетъ за разсказомъ Евсевія установился не вдругъ,—пишетъ авторъ. Въ IV и V вѣкахъ съ нимъ еще не связывали никакого мистическаго (?) значенія, и если при изложеніи исторіи Константина любили обращаться къ нему, то видѣли въ немъ только достопамятное (курьезное—что ли?) сказаніе, подлежащее, однако, законамъ исторической критики. На Западѣ редакція Евсевія осталась совершенно неизвѣстной ¹⁸⁾... И на Востокѣ... разсказъ Евсевія не сразу устранилъ соперничавшія съ нимъ редакціи. Въ 444 году окончилъ свою исторію константинопольскій схоластикъ Созоменъ; свой трудъ онъ посвятилъ... императору Θεодосію Младшему и ничего не опустилъ, чтобы назидательностью своихъ повѣствованій стяжать (?) милость благочестиваго царя. Разсказъ Евсевія о необычайномъ небесномъ покровительствѣ, явленномъ въ отношеніи къ великому предшественнику его, могъ бы хорошо служить этой цѣли: однако, историкъ нимало не старается придать ему исключительное значеніе. Сначала онъ [въ своей Церк. исторіи] сообщаетъ новую версію разсказа ¹⁹⁾, что Константинъ видѣлъ крестное знаменіе [знамя] во снѣ и что слова: «симъ побѣдиши» сказали ему ангелы, представшіе ему во время того же сна...; затѣмъ онъ передаетъ разсказъ, близкій къ Лактанцію ²⁰⁾, хотя и не вполнѣ сходный съ нимъ, и только теперь обращается къ Евсевію и кратко воспроизводитъ его повѣствованіе ²¹⁾, ничѣмъ не выдѣляя его изъ ряда другихъ, сообщае-

¹⁸⁾ Не правда! Редакція Евсевіева вошла въ извѣстный трудъ Кассіодора: *Historia tripartita* (lib. I, cap. 4). А исторія Кассіодора была учебникомъ въ западныхъ школахъ во все средніе вѣка—по ней учился и Лютеръ. Слѣдовательно, разсказъ Евсевія былъ хорошо извѣстенъ на Западѣ.

¹⁹⁾ Ничуть не „новую“ версію. Она новою представляется только г. Спасскому, которому остался неизвѣстенъ источникъ, откуда она заимствована (см. стр. 692 сл.)

²⁰⁾ Ни мало не „близкій къ Лактанцію“. Разсказъ заимствованъ изъ того же источника, изъ котораго заимствовано и начало разсказа Созомена. См. предыдущее примѣчаніе.

²¹⁾ Совсе не кратко! Созоменъ достаточно подробно передаетъ весь разсказъ Евсевія (много подробнѣе Сократа),—настолько подробно, что, и не зная Евсевія, можно по Созомену возсоздать картину, описанную авторомъ „Жизни Константина“. Правда, у Созомена не указаны детали той крестной хоругви (лабарума, по Созомену), которая устроена была царемъ, сообразно видѣнію; но если это умѣстно было въ біографіи Константина, написанной Евсевіемъ, то могло представ-

мыхъ имъ версій ²²⁾ (Hist. eccl. I, 3). Эта исторія Евсевіевой редакціи... сама по себѣ уже показываетъ, что древняя церковь отнюдь не связывала съ ней какого-либо непререкаемаго или каноническаго (!) авторитета и представляла его на свободное усмотрѣніе каждаго. Намъ думается, что точка зрѣнія древней церкви, осуществленная (!) въ исторіи Созомена, должна быть принята и современной церковно-исторической наукой при научномъ обсужденіи разсказа Евсевія... Никто и ничто не пострадаетъ отъ того, если на основаніи точнаго научнаго анализа... извѣстіе, напр., Лактанція или Созомена... будетъ признано вѣроятнѣе разсказа Евсевія“ ²³⁾.

Съ разсужденіями проф. А. А. Спасскаго о научно-критическомъ отношеніи Созомена къ Евсевію соглашаться нельзя... Для автора оказался не яснымъ предметъ, о которомъ онъ взялся трактовать. У Созомена и въ мысли не было критиковать разсказъ Евсевія о великомъ историческомъ событіи въ жизни Константина, не возбуждавшемъ, къ тому же, ни въ комъ и никакихъ сомнѣній. У него и въ умѣ не было,—что называется,—подставить ножку знаменитому его предшественнику въ области исторіографіи. Дѣло объясняется гораздо проще. Созоменъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи два разсказа о событіи: Евсевіевскій и Руфиновъ (который остался совершенно неизвѣстенъ г. Спасскому). Изъ того и изъ другого онъ заимствовалъ то, что ему казалось подходящимъ къ его задачѣ. На первомъ мѣстѣ онъ помѣстилъ сказаніе Руфина (которое г. Спасскій принялъ за какія-то различныя версіи, частію даже совсѣмъ новыя, т. е. ни откуда, кромѣ Созомена, неизвѣстныя), а на второмъ — сказаніе Евсевія. Почему на первомъ мѣстѣ онъ помѣстилъ то сказаніе, а на второмъ это,—вопросъ, который рѣшается легко. Изъ Руфина Созоменъ беретъ лишь отрывокъ разсказа, а изъ Евсевія цѣлый рядъ фактовъ, взаимно связанныхъ другъ съ другомъ; да и не полный разсказъ Руфина лучше было поставить впереди полнаго и обстоятельнаго. Вотъ тотъ отрывокъ изъ Руфина, который г. Спасскій принялъ за какой-то критическій аппаратъ въ книгѣ Созомена. „Константинъ все чаще и чаще

латься лишнимъ для общей исторіи, какую составилъ константинопольскій схоластикъ.

²²⁾ У Созомена нѣтъ ряда версій, а есть только двѣ: Евсевіевская и еще другая.

²³⁾ Брош., стр. 27—28; „Бог. Вѣстн.“ 1904 г., III, 653—654.

сталъ поднимать очи къ небу, вымаливая отсюда себѣ божественную помощь. И вотъ видитъ онъ во снѣ на небѣ, къ восточной сторонѣ, огненный и сіяющій знакъ креста. И когда онъ еще не освободился отъ ужаса, его поразило новое явленіе. Онъ увидѣлъ предъ собою ангеловъ, говорящихъ: Константинъ, симъ побѣдишь! Тогда онъ обрадовался и увѣровалъ въ побѣду надъ врагомъ“²⁴). До сихъ поръ Созоменъ очень точно передаетъ разсказъ Руфина, а остальная часть разсказа его, которая г. Спасскимъ не приведена, передана греческимъ историкомъ не точно²⁵). Руфинъ пишетъ: „Мнѣ кажется, что съ нимъ (Константиномъ в.) случилось не меньше того, что было съ тѣмъ, кому подобнымъ же образомъ сказано съ неба: «Савль, Савль, что меня гонишь: Я Иисусъ

²⁴) Eusebii historiae eccles. ex *Rufini* interpretatione, liber IX, cap. 9: Ad collum saepius oculos levaret et inde sibi divinum precaret auxilium. Videt per soporem ad orientis partem in coelo signum crucis igneo fulgore rutilare. Cumque tanto visu fuisset exterritus ac novo perturbaret aspectu. Adstare sibi videt angelos dicentes: Constantine, in hoc vince. Tunc vero lactus redditus et de victoria iam securus. Въ извиненіе г. Спасскаго, который оказался незнакомымъ съ Руфиномъ, нужно сказать, что та часть его исторіи, которая составляетъ переводъ Евсевіевой исторіи (съ добавками Руфина), имѣетъ мало изданій и не во всѣхъ даже большихъ бібліотекахъ имѣется. Напр., мы въ своемъ распоряженіи имѣли лишь старинное изданіе этого Руфинова труда—editio rarissima (Mantuae 1479); лишь потомъ получено изданіе Моммзена въ Eusebius' Werke (гдѣ цитуемое мѣсто см. Bd. II, p. 829).

²⁵) Въ сущности, эта часть разсказа Созоменова не приведена проф. А. А. Спасскимъ не просто, а съ тенденціозною цѣлію. Привести эту часть разсказа онъ не могъ. Здѣсь мы читаемъ у Созомена такія слова: „говорятъ, что и самъ Христосъ явился Константину, показалъ символъ креста и заповѣдалъ устроить подобіе ему“. Являлся лично наяву самъ Христосъ и бесѣдовалъ съ императоромъ!! Да этого не утверждаетъ ни одинъ древній историкъ, и меньше всего умный Евсевій. Указать на этотъ фактъ г. Спасскій не могъ:—этотъ фактъ разрушилъ бы всю его аргументацію, направленную къ мысли, что будто Созоменъ скептически смотрѣлъ на сказаніе Евсевія о видѣніи креста на небѣ. Еслибы этотъ фактъ былъ достовѣренъ, онъ имѣлъ бы величайшее историческое значеніе; но на самомъ дѣлѣ онъ совершенно фантастиченъ и потому лишенъ всякой научной цѣны. Г. Спасскій не могъ воспользоваться имъ въ своемъ сочиненіи. Указать на этотъ фактъ значило бы для г. Спасскаго сознаться, что Созоменъ готовъ вѣрить всему,—что послѣдній готовъ вѣрить и въ такія легенды, имъ же самимъ скомпанованныя, которыя и на мысль не могли придти Евсевію. Такимъ образомъ, умолчаніе г. Спасскаго въ данномъ случаѣ должно было спасти его аргументацію въ его же собственныхъ глазахъ.

Назарянинъ». Если же этотъ (Константинъ в.) не преслѣдовалъ, то былъ приглашаемъ къ тому“. Это сравненіе Константина в. съ Апостоломъ Павломъ, которому являлся Христосъ, привело Созомена къ ложной мысли, что и Константину в. Христосъ являлся наяву, каковую мысль онъ, Созоменъ, и прописываетъ въ своей исторіи. Разсказъ Руфина заканчивается указаніемъ на то, что царь по подражанію видѣнному кресту сдѣлалъ лабарумъ (знамя) и сталъ возлагать на него свои надежды. Это указаніе повторяетъ, примѣнительно къ своему разсказу, и Созоменъ. Что Созоменъ могъ знать, пользоваться исторіею Руфина и пользовался ею,—это принадлежитъ къ числу точныхъ фактовъ. Пользованіе ею съ его стороны было тѣмъ легче, что исторія Руфина еще въ началѣ V-го вѣка была переведена на греческій языкъ Геласіемъ, епископомъ кизическимъ ²⁶). Мы сейчасъ указали, что Созоменъ не всегда точно передаетъ смыслъ латинскаго оригинала, но полагаемъ, что въ этомъ случаѣ больше всего былъ повиненъ переводчикъ латинскаго историка. Созоменъ бралъ готовое и, вѣроятно, не въ состояніи былъ исправлять переводъ по оригиналу.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Созоменъ, на котораго возлагалъ такія большія надежды проф. А. А. Спасскій, ни мало не оправдываетъ его надеждъ. О критикѣ Евсевіева разсказа Созоменъ ничуть не думаетъ, скепсиса въ отношеніи этого разсказа не питаетъ и ни на одну минуту не рѣшается какой-либо другой разсказъ о событіи предпочитать Евсевіеву. Всѣ подобнаго рода домыслы суть чистыя фантазіи. Никакой новой версіи сказанія о событіи онъ не знаетъ:—не знаетъ ихъ ни на основаніи преданія, ни на основаніи какого-либо памятника, до насъ не дошедшаго. Версію Созомена составлялъ неновый трудъ Руфина,—трудъ, которымъ пользовались многіе: и Сократъ, и Θεодоритъ, и Геласій. Вообще, изучая вопросъ о Созоменѣ, въ той постановкѣ, какую даетъ ему г. Спасскій, мы находимъ, что ту версію о видѣніи Константина, которую г. Спасскій принимаетъ за собственную Созоменовскую, но которая оказалась просто Руфиновскою, нѣтъ никакихъ основаній предпочитать обык-

²⁶) † Проф. *Ал. П. Лебедевъ*, Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV вѣка до XX-го (Москва 1898), стр. 122 (Спб. 1903, стр. 132).

новенной Евсевіевой, какъ рекомендуетъ это г. Спасскій, увѣряя, что будто бы „никто и ничто не страдаетъ отъ того, если на основаніи точнаго (скорѣе: мнимаго) научнаго анализа извѣстіе, напр., Созомена будетъ признано вѣроятнѣе разсказа Евсевія“, т. е., попросту сказать, если Евсевій, какъ чудолобецъ, будетъ оставленъ въ сторонѣ ²⁷⁾. Странная Евсевіеобязнь!

Своимъ этюдомъ о Созоменѣ г. Спасскій старался доказать, будто „общепризнанный авторитетъ за разсказомъ Евсевія о видѣніи креста установился (даже на греческомъ Востокѣ) не вдругъ“. Мы видѣли, что Созоменъ на самомъ дѣлѣ отнюдь не можетъ считаться какимъ-либо выразителемъ оппозиціи къ извѣстному авторитетному сказанію Евсевія. Мало того: мы полагаемъ, что въ греко-восточной церкви никто не являлся оппонентомъ въ отношеніи этого Евсевіева сказанія вплоть до 1904 года. Не перебирая всѣхъ писателей, остановимъ вниманіе на древнихъ греческихъ историкахъ, — и чтó же оказывается? Они или повторяютъ разсказъ Евсевія, или слегка варьируютъ его, но не отступаютъ отъ него. Начнемъ съ Филосторгія, болѣе ранняго греческаго церковнаго историка V-го вѣка въ ряду его современниковъ. Его исторія дошла до насъ въ сокращеніи ея Фотіемъ. Послѣдній вотъ что говоритъ, передавая содержаніе 6-й главы I-й книги Филосторгія. „Подобно другимъ (вѣроятно, Евсевію, Сократу и проч.), онъ пишетъ, что причиною обращенія Константина великаго отъ языческаго суевѣрія къ христіанству была побѣда его надъ Максенціемъ, во время которой явилось и знаменіе креста, протянувшееся далеко по востоку и образовавшееся изъ поразительнаго свѣта, вокругъ коего, на подобіе радуги, плавали звѣзды и, расположившись въ видѣ буквъ, составили на латинскомъ языкѣ выраженіе: симъ побѣждай“. Основа здѣсь, очевидно, Евсевіева; послѣднія слова составляютъ домысль, восполняющій, но не вредящій разсказу епископа кесарійскаго. Сократъ очень кратко пере-

²⁷⁾ † Проф. В. В. Болотовъ, предъ авторитетомъ котораго такъ преклоняется г. Спасскій (см. стр. 685, в), говорилъ своимъ слушателямъ: „Упомянутіе о чудесахъ (—рѣчь у него о крещеніи Константина в.—) само по себѣ не есть еще признакъ недостоверности, но чудеса потому и чудеса, что они повторяются не часто“ (см. „Христ. Чтен.“ 1907 г., февр., прилож., стр. 25 и отдѣльно: Лекція по исторіи древней церкви, вып. I. Спб. 1907. стр. 25).

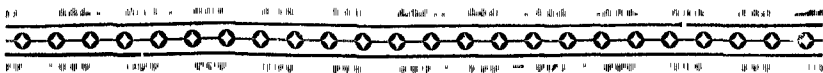
даетъ разсказъ Евсевія, ничего къ нему не прибавляя (I, 2). Феодоритъ опускаетъ этотъ разсказъ, потому что начинаетъ свою исторію со времени появленія ереси аріанской. Историкъ Геласій кизическій такъ описываетъ явленіе: „Константина Богъ отъ неба вооружилъ, показавъ ему спасительный свѣтовидный символъ креста на небѣ, а надпись объясняла смыслъ видѣнія: симъ побѣдишь“. Затѣмъ онъ кратко описываетъ знамя, сооруженное царемъ по образцу видѣннаго (*Gelasii Cuz. Historia concilii pisaceni, lib. I, cap. 4—5*). Очевидно, — по Евсевію. Лѣтописецъ Теофанъ пишетъ: „Когда Константинъ находился въ великомъ недоумѣніи, вдругъ явился ему, въ шестомъ часу дня, честный крестъ, изъ свѣта устроенный, съ надписаніемъ: симъ побѣждай. Тогда Константинъ, наскоро устроивши златой крестъ“ и пр. (Лѣтопись византійца Теофана; рус. пер., Москва 1890, стр. 11). Это все тотъ же Евсевій, но въ сокращеніи. Изъ вышеприведенныхъ словъ Фотія видно, что до IX вѣка всѣ передавали нашу исторію подобно Филосторгію, т. е. въ смыслѣ Евсевія. Дальше слѣдить не зачѣмъ. Несомнѣнно, въ древности никто не думалъ противорѣчить Евсевію. Г. Спасскій не можетъ доказать обратнаго, хотя бы и хотѣлъ этого, ради своей теоріи ²⁸⁾.

Оканчивая разборъ рѣчи проф. А. А. Спасскаго, одно можемъ отмѣтить, какъ положительный результатъ нашихъ личныхъ наблюденій надъ источниками, имѣющими отношеніе къ нашему вопросу;—въ древней церкви существовало двѣ версіи разсказа объ изучаемомъ событіи: одна латинская (Лактанцій, Руфинъ), сводившая явленіе Константину в. къ сонному его состоянію (версія—едва ли распространенная),

²⁸⁾ Нельзя не отмѣтить удивительной непослѣдовательности разсужденій проф. А. А. Спасскаго. Возбуждая (и не случайно) недоумѣнія, скепсисъ, недовѣріе къ разсказу Евсевія (какъ указано нами выше), авторъ затѣмъ нимало ни сумняся пишетъ „привлекательное (?) по своей простотѣ извѣстіе Лактанція и величественный разсказъ Евсевія, за которыхъ (?) стоитъ авторитетъ очевидца Константина,—оба имѣютъ одинаковое право на признаніе (чѣмъ?), и нельзя указать твердыхъ основаній (зачѣмъ и было указывать ихъ?) въ пользу исключительнаго предпочтенія того или другаго“ (Брош., 37). И въ другомъ мѣстѣ говорить: „тревожное душевное состояніе, охватившее („состояніе“ и „охватившее“) Константина,.. разрѣшается видѣніемъ во снѣ или наяву, въ которомъ онъ получаетъ высшее повелѣніе идти на бой во имя Христа“ (*ibid.*, 58).

а другая — греческая, допускавшая явленіе Константину в. происшедшимъ наяву. Этой второй версіи держались всё греческіе писатели, не исключая Ермія Созомена, константинопольскаго схоластика. Отчего произошло такое раздвоеніе,—затрудняемся сказать. Во всякомъ случаѣ ошибочно было бы утверждать, что западные источники стоятъ выше восточныхъ по компетентности ихъ авторовъ.

Ал. Лебедевъ.

Константинъ великій, первый христіанскій императоръ († 337 г.).

Общій очеркъ).

ОЗНАКОМИВШИСЬ съ болѣе опредѣленно формулированнымъ взглядомъ на событіе таинственнаго видѣнія Константиномъ в. русскаго ученаго ¹⁾ текущаго времени, считаемъ не бесполезнымъ ознакомиться со взглядами на тотъ же вопросъ хотя нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ нашего же времени. Всѣ они,—нужно сказать,—становятся на путь отрицанія Евсевіева сказанія,

¹⁾ Окончаніе. См. июнь.

¹⁾ Разставаясь съ этимъ ученымъ, т. е. съ проф. А. А. Спасскимъ, считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній обо всемъ произведеніи его: „Обращеніе Константина“. Сочиненіе построено по такой неотчетливой схемѣ: послѣ нѣкоторой критики сужденій проф. Адольфа Гарнака о числѣ христіанъ въ имперіи къ началу IV вѣка, авторъ отъ имени современной науки сообщаетъ возраженія противъ извѣстнаго разсказа Евсевія (стр. 21—30), не указывая ни того, кто это дѣлаетъ возраженія, ни того, гдѣ они находятся (поставляя тѣмъ читателя, желающаго контролировать автора; въ безвыходное положеніе), и затѣмъ дѣлаетъ попытку стать на защиту сказанія Евсевія въ этомъ случаѣ (30—36). Здѣсь, между прочимъ, встрѣчается такая фраза у автора: „значитъ, здѣсь у Евсевія все обстоитъ благополучно“ (!). Изъ этой фразы можно было бы вывести заключеніе, что авторъ на сторонѣ Евсевія, а не его возражателей (34). Но, сдѣлавъ подобное заключеніе, читатель жестоко ошибется, ибо вслѣдъ затѣмъ авторъ въ заключительномъ выводѣ вполне и рѣшительно отрицаетъ историческую достовѣрность Евсевіева сказанія. Онъ буквально говоритъ такъ: „что касается исторической науки, то для нея не имѣетъ значенія (?) ни вопросъ объ объективности явленія, ни внѣшняя форма его; для нея важно лишь то субъективное впечатлѣніе, какое оно произвело въ душѣ Константина, и которое вполне достаточно, чтобъ тро-

на который пытается, хотя и не удачно, стать и русский профессор А. А. Спасский.—Отчего бы это ни зависѣло, но это такъ. Передадимъ прежде всего взглядъ тюбингенскаго католическаго профессора Функа. Точкою отправленія для него служитъ Евсевій; но онъ даетъ послѣднему свое толкованіе. Указывая на ту внутреннюю борьбу, какую испытывалъ Константинъ в., начиная походъ, онъ, — говоритъ Функъ, — „очень легко какое-либо поразительное явленіе на небѣ истолковываетъ въ свою пользу. Феноменъ приблизительно могъ имѣть такую или другую форму, быть болѣе или менѣе похожимъ или на крестъ или на христіанскую монограмму. Его дѣйствительная природа не поддается нашему опредѣленію. Этого одного было достаточно для императора, чтобы въ его критическомъ положеніи повѣровать, что христіанскій Богъ хочетъ оказать ему помощь, при чемъ знакъ христіанскаго Бога принять былъ, какъ залогъ побѣды“. А

лить свѣтъ на эту замѣчательную страницу въ исторіи христіанства“ (36). Выходитъ, что явленіе было только „субъективнымъ“. А если такъ, то теряютъ всякое значеніе и тѣ слабыя замѣчанія, которыя авторъ дѣлаетъ выше, яко бы, въ защиту сказанія Евсевія. Онъ ясно на сторонѣ отрицательнаго отношенія къ этому сказанію, а потому его замѣчанія въ защиту Евсевія являются какою-то чрезполосницей въ его разсужденіяхъ, и ихъ нужно совсѣмъ вычеркнуть изъ брошюры автора. Въ остальной части брошюры (38 и дал.) г. А. А. Спасскій усиливается объяснить, какимъ чисто субъективно-психологическимъ путемъ Константинъ пришелъ къ обращенію въ христіанство. Разбирать въ подробности эту часть работы нѣтъ никакой надобности. Достаточно для ея характеристики привести лишь нѣсколько отрывковъ. Авторъ говоритъ: „Константинъ, можно сказать, выросъ въ кругу христіанства“ (38). И однакоже Константинъ живетъ и дышетъ въ сферѣ языческаго бога Аполлона; и это въ самой крайней степени. Авторъ пишетъ: „походъ (противъ Максенція) былъ необходимъ, и весной 312 г. Константинъ двинулся въ походъ. Счастье ему благопріятствовало, и Аполлонъ продолжалъ ему покровительствовать. Города Италіи одинъ за другимъ сдавались, и въ октябрѣ онъ стоялъ подъ стѣнами Рима“. Повидимому, чего же было больше желать Константину? Но нѣтъ. Авторъ ни съ того, ни съ сего заставляетъ Константина призадуматься... „Онъ началъ понимать, что его предпріятіе было однимъ безуміемъ“ (53). „Не должна ли была родиться у Константина мысль, что языческіе боги недостаточно обезпечиваютъ благополучіе своихъ поклонниковъ“ (какъ такъ? почему же Константинъ вдругъ забылъ о великомъ Аполлонѣ?), „что Богъ христіанскій обладаетъ силою, превосходящею всѣ языческія чародѣйства“ (57). И вотъ,—напряженная работа мысли Константина, борьба его чувствованій, сомнѣній и надеждъ разрѣшается видѣніемъ (субъективнымъ?) во снѣ или наяву, въ которомъ получается высшее повелѣніе идти на бой (?) во имя

такъ какъ блистательная побѣда ознаменовала походъ императора, и въ римскомъ мірѣ произошелъ переворотъ, о которомъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ и во снѣ никому не снилось, то естественно, что Константинъ в. окончательно утвердился въ пониманіи феномена. Къ чести Функа нужно сказать, что онъ признаетъ дѣломъ непозволительнымъ „считать рассказъ о чудѣ за выдумку или императора или его біографа“ ²⁾. Изъ протестантскихъ ученыхъ укажемъ первѣе всего на профессора Цана. Онъ говоритъ: „вовсе не нужно страдать чудобоязнію, чтобы недověрчиво относиться къ разсказу (Евсевія). Я думаю, что нельзя уже опредѣлить, что такое произошло на самомъ дѣлѣ. Могъ быть и сонъ, повлиявшій на его убѣжденіе; но могло быть и дѣйствительное поразительное явленіе на небѣ, истолкованное въ смыслѣ благоприятнаго предзнаменованія. А христіанское духовенство, бывшее въ его свѣтѣ, могло направлять Константина

Христа“. Но все хорошо, что хорошо кончается. А походъ Константина в. кончился блистательно. „Всѣ затрудненія разомъ (?) пали,—пишетъ восторженно, въ стилѣ Евсевія, авторъ,—Константинъ призываетъ христіанскихъ священниковъ, проситъ ихъ молить къ христіанскому Богу“. И что же? „28 октября 312 года христіанскій Богъ побѣдилъ языческихъ боговъ. Такъ произошло,—повѣствуетъ авторъ,—обращеніе Константина въ христіанство“ (58—59). Но напрасно читатель сталъ бы воображать, что съ этого момента Константинъ в. сталъ дѣйствительнымъ христіаниномъ. Совсѣмъ нѣтъ, по мнѣнію автора. Онъ разсуждаетъ: „Обращеніе Константина не было результатомъ его собственнаго религіознаго духа и состоялось вдругъ (?), разомъ (да вѣдь, по словамъ г. А. А. Спасскаго, Константинъ в. „выросъ въ кругу христіанства“?), подъ влияніемъ случайныхъ (?) обстоятельствъ, на почвѣ суевѣрій (sic!), господствовавшихъ въ его время. Взывая о помощи къ христіанскому Богу, Константинъ оставался въ душѣ язычникомъ (да въ чемъ же, спрашивается, состояло его *обращеніе*, о которомъ такъ патетично говорилъ авторъ раньше?), язычникомъ-суевѣромъ, для котораго божество (т. е. Богъ христіанъ) было лишь удобнымъ средствомъ“ и т. д. (59—60). Словомъ: Константину в. еще много нужно было упражняться на психологическихъ гигантскихъ шагахъ, прежде чѣмъ онъ по настоящему обратился къ христіанству, если только авторъ допускаетъ такой фактъ. На нашъ взглядъ, всѣ историческія построенія, въ которыхъ дѣло ведется на этотъ ладъ, т. е. когда историческимъ фактамъ дается произвольно-субъективная окраска, всѣ они возбуждаютъ чувство неудовлетворенности и носятъ черты какой-то дѣланности.

²⁾ † Prof. Dr. F. X. Funk, Constantin der Grosse въ его Kirchen-geschichtliche Abhandlungen u. Untersuchungen, Bd. II (Paderborn 1899), S. 18—19.

в. въ свою пользу. Одно мы твердо знаемъ: Тотъ, Кто умеръ на крестѣ, не давалъ разрѣшенія употреблять свою монограмму (Monogramma) и свой крестъ, какъ магическое средство въ бояхъ“³⁾. Приведемъ еще воззрѣніе на дѣло профессора Зеекка, протестанта же. Воззрѣніе его тоже отрицательное. Онъ пишетъ: „не найдешь такого дитяти, которое бы не знало, какъ Константинъ получилъ откровеніе во снѣ (?), о томъ, что подъ знаменемъ креста онъ одержитъ побѣду. Для сновъ нѣтъ надобности въ двухъ достовѣрныхъ свидѣтеляхъ (—камешекъ, очевидно, направляется въ сторону Константина в. и Евсевія—), чрезъ уста которыхъ утверждалась бы истина; да и историческая критика не можетъ имѣть дѣла со снами. Однако же не подлежитъ никакому сомнѣнію, что во время сильнаго религіознаго возбужденія и сны играютъ свою историческую роль“ Слѣдуютъ примѣры. Что касается небеснаго видѣнія Константину в., то Зееккъ объявляетъ его выдумкой, основываясь на томъ соображеніи, что еслибы это была правда, то она не осталась бы неизвѣстною ни Лактанцію, ни Евсевію, когда послѣдній издавалъ свою Церковную Исторію⁴⁾. Вотъ главные мотивы современной западной историографіи; попасть въ тонъ съ ними пытаются и нѣкоторые русскіе писатели.

Но какъ бы то ни было,—для историка, руководящагося точнымъ смысломъ письменныхъ памятниковъ, остается фактомъ неопровержимымъ, что Константинъ в. во время своего похода на императора Максенція обратился къ христіанству и обратился частію по внутреннимъ влеченіямъ своего сердца, частію по небесному призванію. Свое обращеніе къ христіанству непосредственно послѣ завоеванія Рима онъ доказываетъ многими распоряженіями, не допускающими никакого сомнѣнія. Прежде всего, когда жители Рима, послѣ указанной побѣды, воздвигли новому императору на самомъ людномъ мѣстѣ вѣчнаго города статую, онъ немедленно велѣлъ утвердить высокое копые въ видѣ креста въ рукѣ своего изображенія и сдѣлать слѣдующую надпись: „этимъ спасительнымъ знаменіемъ, истиннымъ доказательствомъ мужества, я освободилъ вашъ городъ отъ ига тирана и по осво-

³⁾ Prof. Th. Zahn, Konstantin d. Grosse, въ его книгѣ: Skizzen aus d. Leben der alten Kirche (Erlangen 1898²), S. 219.

⁴⁾ Seeck, Geschichte des Untergangs der antiken Welt I (Berlin 1897—1898). S. 126—127. 491.

боженіи его возвратилъ римскому народу и сенату прежній блескъ и знаменитость“ (*Евсев. Ц. И. IX, 9; Ж. К. I, 40*).

Самымъ же выразительнымъ доказательствомъ приверженности Константина в. къ новой религіи изъ этой эпохи былъ знаменитый его Миланскій эдиктъ. Онъ названъ такъ потому, что изданъ въ Миланѣ (Медиоланѣ) въ мартѣ 313 годѣ. Приведемъ главныя положенія этого эдикта. „Мы, Константинъ и Ликиній, занявшись внимательнымъ разсмотрѣніемъ способовъ, клонящихся къ общей пользѣ и благу, прежде всѣхъ распоряженій заблагоразсудили сдѣлать постановленіе, которымъ охранялись бы страхъ и благоговѣніе къ Богу, именно: заблагоразсудили *христіанамъ* и *всѣмъ* отдать на волю соблюденіе того богопочтенія, какого кто пожелаетъ, чтобы божественное и небесное Существо,—какъ бы мы Его ни называли,—было благосклонно ко всѣмъ, находящимся подъ нашею властію. Итакъ объявляемъ слѣдующее наше рѣшеніе: пусть рѣшительно никому не запрещается *избирать* и *соблюдать христіанское богопочтеніе*, но *каждому отдается на волю* обращаться сердцемъ къ той религіи, какую кто находитъ согласною съ собственнымъ убѣжденіемъ (*ut nulli omnino facultatem abnegandam putaremus, qui vel observatione christianorum, vel ei religioni mentem suam dederit, quam ipse sibi...*). Мы признали нужнымъ отмѣнить *касательно христіанъ* все, что представляется жестокимъ и несообразнымъ съ нашею кротостію. Отнынѣ каждый, рѣшающійся соблюдать *христіанское богопочтеніе*, пусть соблюдаетъ его свободно и неуклонно, безъ всякаго затрудненія. Мы заблагоразсудили объявить о нашей волѣ, предоставляющей *христіанамъ* полное и неограниченное право *отправлять* свое богопочтеніе (*qui eandem observandae religioni christianorum gerunt voluntatem, circa ullam inquietudinem ac molestiam sui id ipsum observare contendant... scires, nos liberam atque absolutam colendi religionis suae facultatem iisdem christianis dedisse*). Если же мы это разрѣшили имъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ дается право *и другимъ* соблюдать свои обычаи и вѣру. Такъ опредѣлено нами съ тѣмъ, чтобы не показалось, что мы хотимъ унижить достоинство какого бы то ни было богопочтенія“. Затѣмъ Миланскій эдиктъ приказываетъ, чтобы безъ всякаго отлагательства возвращены были церкви христіанской (*corpori christianorum*) тѣ мѣста, на которыхъ были храмы христіанскіе, но которые во время послѣднихъ гоненій отошли въ

постороннія руки (*Lactant. De mort. persec.*, cap. 48. *Essev.* Ц. И. X, 5).

Какое значеніе имѣетъ Миланскій эдиктъ? Онъ знаменуетъ собою эпоху, великій переворотъ въ исторіи человечества. Главную отличительную черту Миланскаго эдикта иногда указываютъ въ томъ, что онъ провозгласилъ общую религіозную толерантность въ имперіи, сдѣлался для всѣхъ религій своего рода magna charta libertatum. Но такой взглядъ не соотвѣтствуетъ сущности эдикта. Еслибы эдиктъ провозглашалъ общую религіозную терпимость, поставлялъ это главною своею задачей,—въ такомъ случаѣ значеніе его было бы ограниченнымъ, и даже болѣе: онъ былъ бы мертворожденнымъ законодательнымъ актомъ, мелькнувшимъ на минуту метеоромъ, отъ котораго въ самомъ скоромъ времени не осталось бы никакого слѣда. Въ самомъ дѣлѣ, если признаемъ, что Миланскій эдиктъ провозглашалъ общую религіозную терпимость, то онъ потерялъ свою силу и значеніе съ того момента, какъ Константинъ в. началъ покровительствовать и оказывать милости христіанству преимущественно предъ какою-либо другою религіею; а такъ какъ подобнымъ покровительствомъ христіанству Константинъ в. заявляетъ себя въ томъ же 313 году, въ которомъ появился и эдиктъ, то отсюда само собою слѣдовало бы, что императоръ фактически уничтожилъ знаменитый эдиктъ въ то же самое время, въ какое объявилъ его. Мыслимо ли это? Какой взглядъ мы должны составить себѣ о Константинѣ в., этомъ безспорно замѣчательнѣйшемъ римскомъ императорѣ, если съ одной стороны станемъ допускать, что онъ своимъ эдиктомъ провозгласилъ общую терпимость, а съ другой будемъ принуждены утверждать, что онъ въ то же время ясно и открыто отдавалъ предпочтеніе одной религіи, именно христіанской, предъ прочими, и не въ домашнемъ только быту, а въ жизни общественной, государственной, въ самомъ законодательствѣ? Никакихъ затрудненій въ пониманіи эдикта не будетъ для историка, когда мы рѣшимся утверждать, что никакой общей религіозной толерантности и не было провозглашено изучаемымъ законодательнымъ актомъ. Въ Миланѣ Константиномъ в. предоставлена толерантность всѣмъ и каждой религіи въ имперіи, за исключеніемъ христіанской. Этимъ эдиктомъ христіанство не помѣщено въ ряду съ прочими многими религіями въ государствѣ, а поставлено выше

всѣхъ ихъ, объявлено стоящимъ во главѣ всѣхъ религій, провозглашено единственною религіею, значеніе которой, понятое теперь государемъ, должны—рано ли, поздно ли—признать и всѣ подданные. Вотъ смыслъ знаменитаго эдикта Миланскаго! Христіанство выдвинуто при посредствѣ эдикта на первое мѣсто; подлѣ него, христіанства, но ниже его поставлены всѣ прочія религіи. Къ христіанству государь обращаетъ свое лицо, а отъ прочихъ религій онъ отвертывается; первое онъ возлюбилъ и хочетъ ему покровительствовать, съ прочими же религіями онъ не имѣетъ никакихъ связей, но терпитъ ихъ, не препятствуетъ имъ *быть*. Такое пониманіе эдикта основывается не на почвѣ субъективизма, а на самомъ текстѣ Миланскаго памятника. Кто прочтетъ Миланскій эдиктъ, хотя бы въ тѣхъ выдержкахъ изъ него, какія сдѣланы нами выше, и обратитъ вниманіе на подчеркнутыя нами выраженія,—тотъ пойметъ, что смыслъ, нами приписываемый эдикту, дѣйствительно присущъ послѣднему. Разсматривая Миланскій эдиктъ съ этой точки зрѣнія, мы находимъ очень справедливыми два замѣчанія, какія дѣлаютъ касательно этого эдикта двое западныхъ ученыхъ, изучившихъ эпоху Константина в., именно профессоровъ Цана и Кейма. Первый говоритъ: „ни отъ чего Константинъ не былъ такъ далекъ, какъ отъ мысли создать государство безрелигіозное или толерантное“ ⁵⁾. Второй со своей стороны очень основательно замѣчаетъ: „Миланскій эдиктъ въ сущности представляетъ ничто иное, какъ первую попытку возвысить христіанство, сдѣлавъ его религіею государственной“ ⁶⁾.

Мы разъяснили, что эдиктомъ 313 года христіанству дано первенствующее значеніе въ ряду другихъ религій, при чемъ права язычества *in tacito* въ значительной мѣрѣ являлись ограниченными. Это особенно ясно становится изъ отношеній Константина в. къ христіанству послѣ этого событія. Въ это время онъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ въ пользу язычества и равнодушенъ къ нему, а—напротивъ—для христіанства дѣлаетъ многое и очень многое. Уже самый тонъ и языкъ, какими онъ начинаетъ говорить о христіанствѣ, показываютъ,

⁵⁾ Zahn, Skizzen aus d. Leben der alten Kirche, S. 221.

⁶⁾ Keim, Die römische Toleranzedictie für das Christentum (311—313) въ „Theolog. Jahrbücher“ 1852, S. 243.

что послѣднему отдается полное предпочтеніе предъ какою бы то ни было религіей. Императоръ говоритъ о христіанствѣ въ тонѣ почтительномъ, языкомъ глубокаго чувства. Государю въ этомъ случаѣ подражаютъ и другіе правители. Въ документахъ, въ которыхъ Константинъ в. выражаетъ свою волю по религіознымъ вопросамъ времени, о христіанствѣ теперь говорится: „святое богопочтеніе“, „святѣйшее каеолическое богопочтеніе“, „святая религія, заслуживающая благоговѣнія“, „достопочтеннѣйшій законъ“ (такъ въ письмахъ Константина в. у *Евсев. Ц. И. X, 5—7*). Какъ императоръ выражалъ свое благоговѣніе къ „каеолической церкви“, такъ и проконсулъ Анулинъ, который предъ этимъ былъ гонителемъ христіанъ, говоритъ уже, когда обращаетъ свою рѣчь къ кареагенскому епископу, о „благоговѣніи, подобающемъ святому закону“, т. е. христіанскому ⁷⁾. Въ письмахъ къ епископамъ (Цецилиану и Мильтіаду въ 313 г. и Хресту сиракузскому въ 314 г.) Константинъ в. не забываетъ пожелать имъ покровительства „Великаго Бога“ и „Бога Вседержителя“ (*Евсев. Ц. И. X, 5*). Этотъ языкъ, эта благопечительность, эти живыя сношенія съ епископами ясно показываютъ, что Миланскимъ эдиктомъ Константинъ в. даровалъ христіанству не просто толерантность, а нѣчто гораздо большее. Та изумительная поспѣшность, съ какою императоръ требуетъ исполненія своей воли о возвращеніи христіанамъ отнятыхъ у нихъ въ гоненія имуществъ, показываетъ, что христіанство для него есть религія, о которой онъ больше всего заботится (*Евсев. Ц. И. X, 5*). Константинъ в. публикуетъ одинъ указъ за другимъ или съ тѣмъ, чтобы матеріально обезпечить, имѣющія нужду, церкви христіанскія или возвысить служителей этой церкви (*ibid. X, 6—7*). Такъ относился къ церкви Константинъ в.: онъ даровалъ ей права, пролагавшія для нея путь къ возвышенію въ качествѣ государственной религіи. Что касается язычества, то императоръ даетъ ясно знать, что языческій политеизмъ съ этихъ поръ долженъ отойти въ область преданія: будущее уже не принадлежитъ ему. Константинъ в. относится къ язычеству такъ, какъ незадолго предъ тѣмъ относился къ христіанству императоръ Галерій; роли перемѣнились. Галерій называлъ христіанъ бранными именами, приписывая имъ „неразумѣніе“ (*stultitia*), а языче-

⁷⁾ *Keim* въ „*Theolog. Jahrbücher*“ 1852, S. 244.

скихъ боговъ чествовалъ наименованіемъ „небесныхъ боговъ“; напротивъ, Константинъ в. называетъ, какъ мы видѣли, христіанскаго Бога „Великимъ Богомъ“, „Богомъ Вседержителемъ“, между тѣмъ какъ язычество безъ всякой церемоніи называетъ „суевѣріемъ“. Въ 319 году Константинъ в. въ одномъ указѣ уже пишетъ о язычникахъ: „желающіе рабствовать своему *суевѣрію* могутъ отправлять свои обряды“, а затѣмъ императоръ говоритъ (Cod. Theod. lib. IX, tit. XVI, cap. 1—2): „можете идти къ вашимъ общественнымъ жертвамъ, ибо мы не запрещаемъ (только не запрецаемъ — non prohibemus) и явно совершать дѣла *устарѣвшаго злоупотребленія*“ (praeterita usurpatio). Очевидно, Константинъ в. только не лишаетъ государственной терпимости культъ языческій, какъ не лишился этой терпимости при Галеріи культъ христіанскій. Произошло,—значить,—перемѣщеніе силъ: сила христіанская беретъ верхъ надъ языческою.

Изданіемъ миланскаго эдикта и дѣятельностію Константина в. въ пользу христіанства по его изданію положены прочныя основанія для торжества христіанства и церкви надъ язычествомъ. Но еще болѣе для этого торжества дѣлаетъ императоръ впослѣдствіи. Когда Константинъ в. сталъ единодержавнымъ государемъ имперіи, онъ довершилъ начатое имъ дѣло утвержденія христіанства въ греко-римскомъ мірѣ. А это было тогда, когда онъ (въ 323 г.) побѣдилъ императора Востока Ликинія и подчинилъ своей власти все царство римское. Теперь Константинъ в. уже не довольствуется выраженіемъ предпочтенія культа христіанскаго языческимъ, а прямо заявляетъ, что стоитъ на сторонѣ христіанства. Константинъ в. открыто говоритъ, что миссія его заключается въ томъ, чтобы „призвать родъ человѣческій (humanum genus) къ служенію священнѣйшему закону (христіанству) и подъ руководствомъ Высочайшаго Существа возрастить блаженнѣйшую вѣру“ (*Евсев. Ж. К. II, 28*). Въ миланскомъ эдиктѣ уже видно было пренебреженіе къ язычникамъ; они тамъ названы были неопредѣленнымъ именемъ „alii“ („другіе“ въ сравненіи съ христіанами), тогда какъ христіане прямо назывались своимъ именемъ. Теперь же пренебреженіе къ язычникамъ стало еще яснѣе и полнѣе. Константинъ в. болѣе не церемонился съ тѣми, отъ чьихъ вѣрованій сердце его стояло далеко. Онъ называетъ язычниковъ „нечестивыми“ (qui impiam sententiam amplexi sunt); позволяетъ себѣ назвать ихъ

„сѣменемъ беззаконныхъ“ (*stirpem improbissorum hominum*); ихъ мнѣнія считаетъ „развращеннымъ безуміемъ“ (*Eusev. Ж. К. II, 24, 42, 48*). Тѣмъ же менѣе государь не объявляетъ язычество религіею, не заслуживающею снисхожденія и терпимости. Совершенно такъ же, какъ въ миланскомъ эдиктѣ, и въ эдиктахъ, появившихся послѣ побѣды надъ Ликніемъ (послѣ 323 г.), Константинъ в. объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе, что каждый, кому нравится язычество, можетъ свободно его исповѣдывать, и никто не долженъ посягать на религіозныя права язычниковъ (*ibid.* стр. 56). Въ законодательныхъ актахъ разсматриваемой эпохи Константинъ в. по прежнему выражаетъ свое особенное благоволеніе христіанамъ и церкви и по прежнему же ограничиваетъ свои отношенія къ язычникамъ — отношеніями толерантности. Но все это выражено въ новыхъ законодательныхъ актахъ яснѣе, прямѣе и энергичнѣе. Теперь уже никто изъ подданныхъ не могъ сомнѣваться, что права, какія прежде, во времена гоненій, принадлежали языческой религіи, отнынѣ принадлежатъ христіанству, а языческая религія только не лишена защиты, однако, не имѣетъ основаній рассчитывать на покровительство. Къ этому нужно прибавить, что хотя съ теченіемъ времени Константинъ в. и примѣнялъ частныя мѣры, направленные даже къ ослабленію язычества, но весьма сомнительно, чтобы въ его царствованіе предпринимались какія-либо общія и рѣшительныя мѣры противъ язычества, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели (напр., Цанъ, проф. О. А. Кургановъ и др.).

Церковно-общественная дѣятельность Константина в. была столь обширна, что изобразить ее въ нашей статьѣ не представляется возможности; ограничимся краткою характеристикой перваго христіанскаго императора въ интеллектуальномъ, нравственномъ и религіозномъ отношеніи.

Евсевій хвалитъ этого императора за его образованность (*Ж. К. I, 19*) и, кажется, не безъ основанія. Царь знакомъ былъ съ философіею; изъ философовъ ему извѣстны были Платонъ, Сократъ, Пиеагоръ (*Constantini Orat. ad sanct. coetum, cap. 9*). Онъ не чуждъ былъ знанія классической поэзіи. Изъ поэтовъ Константинъ в. особенно цѣнилъ Вергилія; послѣдняго онъ называлъ мудрѣйшимъ изъ поэтовъ (*ibid.*, cap. 19—20). Императоръ изучалъ книги Сивиллы, имѣвшія значеніе священнаго кодекса для язычества (*ibid.*, cap. 18). Инте-

ресно, что ко всѣмъ этимъ произведеніямъ языческой мысли онъ относился критически, — а что еще важнѣе, — и разсматривалъ ихъ съ точки зрѣнія христіанскаго апологета. Но особенно усердно царь занимался изученіемъ Свящ. Писанія и различныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ христіанскому богословію (*ibid.*, сар. 16). Константинъ в. очень интересовался и современною ему христіанскою литературой. Несомнѣнно, съ нѣкоторыми изъ еписковъ Константинъ в. вошелъ въ очень близкія отношенія, главнымъ образомъ, потому, что высоко цѣнилъ ихъ ученость; по этому именно побужденію онъ былъ очень друженъ съ Евсеіемъ кесарійскимъ (Ж. К. III, 60). Отъ Евсеія онъ получалъ богословскія сочиненія, написанныя этимъ ученымъ, читалъ ихъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ и поощрялъ автора къ дальнѣйшимъ трудамъ на этомъ поприщѣ; онъ выражалъ желаніе, чтобы сочиненія эти были переведены на латинскій языкъ (*ibid.* IV, 34 — 35). Обладая общими и богословскими познаніями и начитанностію въ разныхъ областяхъ знанія, Константинъ в. заботился о томъ, чтобы дѣлиться своими свѣдѣніями съ публикою. Залы дворца, поэтому, не рѣдко превращались въ аудиторіи, — само собою понятно, — наполненные внимательнѣйшими слушателями (*ibid.* IV, 29, 55. *Op. ad sanct. coetum*, сар. 2). Современные намъ историки также отдають дань уваженія образованности и трудолюбію Константина в. Seeck приписываетъ ему и знанія и начитанность. По его сужденію, Константинъ в. много читалъ, писалъ и съ необычайною ревностію декламировалъ. Его ораторскія рѣчи, — по замѣчанію этого историка, — потомъ приобрѣтають характеръ проповѣдей. Нельзя скрывать, впрочемъ, и того, что этотъ историкъ находитъ немало недостатковъ въ стилѣ и оборотахъ вѣнценоснаго писателя; а также приписываетъ ему хвастливость своими познаніями. Но съ этими критическими замѣчаніями Seeck'a едва ли можно соглашаться. Онъ смотритъ на Константина в., какъ на обыкновеннаго ритора, софиста по профессіи; но такая точка зрѣнія не примѣнима къ Константину в., — тѣмъ болѣе, что самъ же этотъ писатель замѣчаетъ: „какъ сынъ лагеря, Константинъ в. въ юности не могъ удѣлять много времени книгамъ“. А что касается научнаго тщеславія Константина в., то взглядъ этотъ настолько субъективенъ, что съ нимъ можетъ соглашаться лишь человѣкъ, предубѣжденный противъ перваго христіан-

скаго императора. Тотъ же историкъ хвалить законодательство Константина в., когда оно касалось народнаго хозяйства и управленія; въ этомъ случаѣ его законодательство отличалось практическою пронипательностію. Онъ же отмѣчаетъ законодательную плодovitость Константина в., упрекая, однако же, императора въ законодательномъ перепроизводствѣ и въ неуваженіи къ юридическимъ преданіямъ. Въ послѣднемъ случаѣ (въ неуваженіи къ преданіямъ) историкъ дѣлаетъ упреки не одному Константину в., но и Діоклітіану, вопреки обычной высокой оцѣнкѣ законодательной дѣятельности предшественника Константинова ⁸⁾. Спорный вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ Константинъ в. участвовалъ мыслію и дѣломъ въ издаваемыхъ имъ законодательныхъ актахъ, въ настоящее время рѣшается въ смыслѣ благоприятномъ для чести и славы Константина в. Его указы и манифестаціи часто такъ смѣлы въ своихъ сужденіяхъ, что никакой секретарь не взялъ бы ихъ на свою отвѣтственность; а языкъ этихъ произведеній часто вдается въ такого рода паеосъ, который не составляетъ принадлежности канцелярской работы ⁹⁾.

Нравственный характеръ Константина в. подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанства достигаетъ великаго совершенства. Евсевій, близко знавшій императора, бывшій его другомъ и описавшій „жизнь“ его послѣ его смерти, когда—слѣдовательно—открывалась для историка возможность говорить безпристрастно, рисуетъ привлекательный нравственный образъ Константина в., подтверждая свою характеристику фактами, противъ которыхъ едва ли можетъ возражать даже придирчивая историческая критика ¹⁰⁾. Евсевій восхваляетъ кротость и человѣколюбіе Константина в. (Ж. К. I, 46). По его словамъ, онъ такъ далеко простираетъ свою кротость и

⁸⁾ *Seeck*, Geschichte des Untergangs der antiken Welt I, S. 52—54.

⁹⁾ *Funk* въ Kirchengeschichtliche Abhandlungen und Untersuchungen II, S. 12. *Zahn*, Skizzen aus d. Leben der alten Kirche, S. 226.

¹⁰⁾ Сочиненіе Евсевія „Жизнь Константина“, чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ болѣе повышается въ своей цѣнности. Историкъ Зееккъ рассказываетъ о себѣ, что, руководясь авторитетомъ Моэзена, онъ сначала не пользовался этимъ сочиненіемъ, какъ источникомъ, считая его недостовернымъ, но потомъ убѣдился, что оно построено на документахъ несомнительной подлинности (Geschichte des Untergangs der antiken Kirche I, S. 464—465).

человѣколюбіе, что оставлялъ безъ строгаго наказанія даже злодѣевъ; и это ставили ему даже въ вину, находя, что отъ этого происходилъ вредъ въ управленіи (*ibid.* IV, 54). Народъ чувствовалъ себя благоденствующимъ, ибо имъ управлялъ не тиранъ или деспотъ, а какъ бы „отецъ“. Евсевій даже добавляетъ, что „въ царствованіе Константина мечъ висѣлъ на судьяхъ безъ употребленія“ (*ibid.* III, 1),—разумѣется,—не въ томъ смыслѣ, что во времена Константина в. не было преступленій, подлежащихъ наказанію и суду, а въ томъ, что при Константинѣ в. законъ и судъ стали такъ снисходительны къ проступкамъ людей, какъ никогда прежде. Указаннаго рода кротость и человѣколюбіе Константина в. отнюдь не отвергаютъ и современные намъ историки, несмотря на всю строгость своихъ отношеній къ первому христіанскому императору. Зеекъ говоритъ: „Константинъ не запятналъ себя никакою казнію, которая противорѣчила бы правовымъ нормамъ того времени, а кромѣ того онъ склонялъ къ пощадѣ и въ томъ случаѣ, когда не только могъ, но даже, пожалуй, долженъ былъ прибѣгать къ казни. Онъ охотно,—по словамъ этого же историка,—прощалъ враговъ часто стараясь о томъ, чтобы (—и это онъ разсматривалъ, какъ дѣло чести—) награждать отличіями вѣрныхъ приверженцевъ побѣжденныхъ враговъ (т. е. побѣжденныхъ императоровъ). Такъ, важнѣйшихъ полководцевъ, предводительствовавшихъ войсками Максенція и Ликинія, тотчасъ послѣ того, какъ побѣждены были эти послѣдніе, Константинъ возвелъ въ достоинство консуловъ, а затѣмъ одарилъ ихъ другими почестями и высокими должностями. Когда народная масса, возбуждаемая бунтовщиками, низвергала его статуи, императоръ наказывалъ виновныхъ лишь презрительнымъ смѣхомъ“ ¹¹⁾). Константинъ в. отличался большою

¹¹⁾ *Seeck*, Geschichte des Untergangs der antiken Welt I, S. 55. 68. Для того, чтобы отвергнуть значеніе древнихъ свидѣтельствъ о кротости и человѣколюбіи Константина в., новѣйшіе историки ссылаются иногда на извѣстные печальные факты насильственной смерти Фавсты, его жены, и Криспа, сына его (о чемъ рассказываетъ Zosimus — языкъ писатель — Hist. lib. II, cap. 29),—смерти, совершенной по волѣ императора. Но, во 1-хъ, исторія точно не знаетъ, при какихъ обстоятельствахъ это совершилось; во 2-хъ, мы должны признать разсматриваемыя событія скорѣе несчастіями въ его жизни, чѣмъ преступленіями,—несчастіями, которыя несомнѣнно послужили къ дальнѣйшему перерожденію его духовнаго существа.

простотой отношеній. Константинъ в.,—по словамъ Евсевія,— смиренно выслушивалъ длинныя рѣчи послѣдняго, конечно, религіознаго содержанія, не позволяя себѣ выдѣляться изъ ряда прочихъ слушателей и присѣсть, хотя дѣло происходило не въ храмѣ, а во дворцѣ (Ж. К. IV, 33). Та изумительная простота, та ласковость тона, съ какими пишеть письмо великій императоръ Евсевію кесарійскому, выражая ему признательность за присылку этимъ послѣднимъ какого-то своего богословскаго сочиненія о празднованіи пасхи, даютъ видѣть въ Константинѣ в. человѣка, котораго счастье и владычество не сдѣлали ни гордымъ, ни высокомернымъ (ibid. IV, 35). Какъ видно, хотя бы, изъ указаннаго факта, Константинъ в. остался „человѣкомъ и на тронѣ“. Въ числѣ привлекательныхъ чертъ характера императора Евсевій указываетъ на его скромность; онъ мало цѣнилъ тѣ шумные восторги, къ какимъ прибѣгала толпа при видѣ своего владыка. „Они наводили на него скорѣе тоску, чѣмъ доставляли удовольствіе“ (De laudibus Constantini, cap. 5). Далѣе: правдивость и искренность, по свидѣтельству Евсевія,—были отличительными чертами Константина в.: „царь что возвѣщалъ, то и дѣлалъ“ (Ж. К. I, 6); его слово не расходилось съ дѣломъ. Изъ другихъ личныхъ нравственныхъ качествъ Константина в. слѣдуетъ упомянуть о его трудолюбіи и воздержности въ жизни. Трудолюбіе его было явленіемъ поразительнымъ. Константинъ в. никогда не былъ празденъ; отъ одного дѣла онъ переходилъ къ другому. Даже въ преклонныхъ лѣтахъ онъ былъ неутомимо дѣятеленъ: онъ „или писалъ рѣчи, или своимъ слушателямъ преподавалъ христіанское ученіе, или составлялъ законы то военные, то гражданскіе“ (ibid. IV, 55). Онъ писалъ такое множество писемъ къ епископамъ, начальникамъ областей и другимъ лицамъ, что Евсевій не могъ не удивляться самоотверженію царя (ibid. III, 24). Прибавлять ли еще и то, что сколько ни сплетали клеветъ на Константина в. греческіе писатели древнихъ временъ, начиная съ племянника его Юліана-Отступника, ни одно перо, руководимое ненавистію къ императору, объявившему себя христіаниномъ, не дерзнуло записать или намекнуть на какіе-либо факты, которые дѣлали бы подозрительными нравственную чистоту и цѣломудренность Константина в.? Первый христіанскій императоръ принадлежалъ къ цѣломудреннѣйшимъ государямъ въ исторіи, не смотря

на семейныя несчастія, не смотря на то, что кругомъ его царя нравственная распущенность, печальными образцами которой были Ликиній, Максенцій, Максиминъ ¹²⁾).

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о религіозномъ характерѣ Константина в., какъ христіанина. У современныхъ намъ историковъ не рѣдко можно встрѣчать мысль, будто бы Константинъ в. обратился къ христіанству изъ расчетовъ политическихъ. Но „кто думаетъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться религіею, какъ средствомъ, выгоднымъ въ политическихъ интересахъ, тотъ впадаетъ въ ошибку“ (Seeck). Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ могли помочь Константину в. христіане въ борьбѣ съ его врагами и соперниками, кромѣ своихъ молитвъ? Дѣло другое было бы, еслибы въ это время христіанъ въ имперіи было больше, чѣмъ язычниковъ, но этого не видимъ. Напр., въ арміи (—что очень важно—) христіанъ было несравненно меньше, чѣмъ язычниковъ. Известно, что императоры Діоклитіанъ и Ликиній, начиная гоненія на христіанъ, первѣе всего изгнали христіанъ изъ состава войска. Очевидно, отъ такого распоряженія количество войска не много убавилось; иначе—исключенія христіанъ изъ военныхъ кадровъ не могло бы послѣдовать. Тогдашній сенатъ, благодаря своимъ земельнымъ богатствамъ, распространялъ свое вліяніе на всѣ провинціи, въ своемъ громадномъ большинствѣ твердо держался древней религіи; представители науки и литературы, за немногими исключеніями, принадлежали къ язычеству и враждебно смотрѣли на христіанъ, мало цѣ-

¹²⁾ Слѣдуетъ признать совершенно неосновательнымъ и лживымъ слѣдующее разсужденіе историка Seeck'a. „Горячая кровь Константина заставляла его забывать о своихъ же цѣломудренныхъ законахъ. Когда его любимецъ Опатъ изъ учителя граматки сдѣлался патриціемъ и консуломъ въ 334 году, тогда можно было слышать шопотъ, что Опатъ эту удивительною карьерой одолженъ единственно своей женѣ—красавицѣ, и она была едва ли единственная женщина, которая одерживала побѣду надъ царемъ“ (Geschichte des Untergangs der antiken Welt I, S. 66). Мы не знаемъ, на чемъ основываетъ авторъ свои расказни. Но на чемъ бы онъ ни основывалъ,—очевидно, онъ передаетъ лишь пустые слухи. Спрашивается: какая же это горячая кровь могла быть у Константина в. въ 334 г., т. е. за три года до его кончины въ преклонныхъ лѣтахъ? Въ особенности легкомысленно замѣчаніе Зеекка, что и какія-то другія женщины плѣвали Константина в., когда нѣтъ ни малѣйшихъ указаній, что его плѣнила красавица, жена Опата. „Мужа сдѣлали патриціемъ: значить-де, жена купила этотъ санъ у императора измѣною своему долгу“—разсужденіе, недостойное серьезнаго историка

вившихъ искусство языческой риторики. Вообще, все, что въ силу происхожденія и образованія, богатства и храбрости пользовалось могуществомъ и влїяніемъ,—все это почти всецѣно было на сторонѣ язычества. На сторонѣ же христіанства стояла лишь часть городского низшаго и средняго класса, но эта масса въ политическомъ отношеніи была ничтожествомъ. Это были по большей части бѣдняки. Притомъ же нужно помнить, что Діоклитіанъ подвергъ преслѣдованію и смерти всѣхъ тѣхъ христіанъ, которые обнаруживали стремленіе играть роль въ мірскихъ дѣлахъ. Изъ христіанъ благополучно пережили это гоненіе только такіе, какіе вдохновлялись надеждами на будущую жизнь, но подобнаго рода люди совершенно чуждались политики. Спрашивается: какую же поддержку могли оказать Константину в. лица, равнодушныя къ благамъ міра сего? Христіане по сравненію съ язычниками въ началѣ IV вѣка оставались въ меньшинствѣ. Христіанъ было въ имперіи $\frac{1}{10}$ и даже $\frac{1}{20}$ по сравненію съ исповѣдниками прочихъ религій. Безъ твердыхъ христіанскихъ убѣжденій Константинъ в.,—значить,—не могъ присоединиться къ церкви христіанской; такой переходъ послужилъ бы во вредъ его плановъ. Нужно еще помнить, что христіане, говоря вообще, и не ожидали такого необыкновеннаго событія, какъ обращеніе кесаря въ христіанство. Тертуліанъ говорилъ: „Кесари развѣ тогда примуть христіанство, когда міръ можетъ обходиться безъ кесарей, или же когда для христіанъ станетъ возможнымъ принимать кесарское достоинство“ (Apolog., cap. 21); т. е.,—съ точки зрѣнія христіанскаго писателя III вѣка,—христіанства и императорство казались дѣломъ несоединимымъ, вещами, взаимно себя исключаящими. Но такая же точка зрѣнія оставалась и у христіанъ начала IV вѣка. Константинъ в. не могъ рассчитывать, что своимъ обращеніемъ пойдетъ на встрѣчу христіанскимъ надеждамъ и тѣмъ расположить ихъ къ себѣ. Христіане могли даже растеряться отъ такой неожиданности. Единственно, чего желали христіане, это того чтобы оставили ихъ въ покоѣ и допускали невозбранно исповѣдывать свою вѣру. По сужденію одного ученаго, „переходъ Константина изъ политическихъ расчетовъ заслуживаетъ меньше вѣры, чѣмъ то явленіе креста, о которомъ говоритъ Евсевій: это послѣднее по крайней мѣрѣ заслуживаетъ вѣроятія, а первое не поддается никакому объ-

ясненію“ (Funk) ¹³⁾. Такимъ образомъ, можно утверждать и доказывать, что принятіе христіанства Константиномъ в. условливалось потребностями его духа и сознаниемъ истинности христіанской религіи, было безусловно искреннимъ. Кто знакомъ съ современною литературой о Константиѣ в., тотъ знаетъ, сколько ею употребляется усилій, чтобы настаивать на мысли, будто бы долго,—и послѣ побѣды надъ Максенціемъ,—Константинъ в. еще колебался въ своихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ, не порывая внутреннихъ связей съ язычествомъ, что—однимъ словомъ—его религіозный характеръ былъ двусмысленъ и двуличенъ. Къ нашему удовольствію, даже Зеекъ, историкъ далекій отъ панегиризма Константину в., очень рѣшительно отвергаетъ такое несправедливое воззрѣніе на перваго христіанскаго императора. Онъ пишетъ: „Всѣ обнаруженія Константиномъ своего религіознаго настроенія новѣйшіе писатели находятъ двусмысленными, потому только, что имъ *хочется* (курсивъ не нашъ) находить ихъ таковыми. Они доходятъ до того, что даже монограмму Христа считаютъ символомъ языческаго солнечнаго культа. Но современники Константина (которые должны быть признаны лучшими судьями его, чѣмъ мы) отнюдь не замѣчали подобной двусмысленности; напротивъ того, какъ христіане, такъ и язычники отлично понимали то положеніе, какое онъ занялъ по отношенію къ ихъ религіямъ. Защитники несомнительнаго язычества, каковы Юліанъ, Евнапій, Зосима, преслѣдуютъ Константина съ невыразимою ненавистію, въ то время, какъ христіанскіе писатели всячески восхваляли его, какъ рѣшительнаго христіанина“ (Geschichte des Untergangs der antiken Welt, S. 471)! Для современниковъ его не было вопросомъ то, изъ чего сдѣлали вопросъ писатели нашего времени, ради непонятнаго нерасположенія къ Константину в. При сужденіи о религіозномъ характерѣ Константина в. очень нѣ рѣдко дѣлаютъ жесткіе упреки этому императору за то, что онъ вмѣшивался въ дѣла церкви и своимъ вмѣшательствомъ положилъ основаніе такъ называемому византизму во взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви. Упреки эти, однако же, находятъ совершенно неосновательными вышеуказанный историкъ Зеекъ. По его мнѣнію, если

¹³⁾ Seeck, Geschichte des Untergangs der antiken Welt I, 58—60. Funk въ Kirchengeschichtliche Abhandlungen und Untersuchungen II, 5. 7—8. 23.

Константинъ в. вмѣшивался въ дѣла церкви, то дѣлалъ это противъ своей воли, и во всякомъ случаѣ отнюдь не считая себя лицомъ, стоящимъ выше церковнаго авторитета. Этотъ историкъ пишетъ: „Насколько позволяли Константину его царскія обязанности, онъ всегда являлся покорнымъ сыномъ церкви и никогда не дѣлалъ попытокъ выступать въ качествѣ ея господина, хотя ему легко было сдѣлать это. Какъ смиренный катехуменъ, онъ искалъ милости Господней, а не домогался владычества надъ церковію. Насколько возможно, онъ противодѣйствовалъ церковнымъ раздѣленіямъ и распрямъ, употребляя на это всё свои силы, потому что онъ заботился о церковномъ единеніи, желалъ поднять могущество церкви, а не подчинить ее себѣ“. Правда, ему приходилось прибѣгать къ ссылкѣ въ отношеніи духовныхъ лицъ, но въ такихъ случаяхъ онъ или исполнялъ постановленія соборовъ, или же выражалъ попеченія о мирѣ и тишинѣ, о чемъ обязана заботиться всякая нормальная государственная власть. При томъ Константинъ не изгонялъ лицъ духовныхъ на жительство ни на пустынные острова, ни въ другія ссыльные мѣста, а избиралъ для нихъ удобные города, такъ что перемѣна мѣста была для нихъ чувствительна лишь настолько, насколько она была неожиданна ¹⁴⁾. Во всякомъ случаѣ для православнаго изслѣдователя религіозный характеръ царя представляетъ очень много похвальнаго и привлекательнаго.

Вопросъ о христіанскомъ крещеніи Константина в. возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія, на которыхъ нельзя не остановиться. Прежде всего, какъ извѣстно, этотъ императоръ крестился только предъ смертію. Спрашивается: почему Константинъ в. не сдѣлалъ этого раньше? Евсевій, передавая свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ царя, влагаетъ въ уста его такое объясненіе (Ж. К. IV, 62): „я думалъ воспріять крещеніе въ водахъ Иордана, гдѣ крестился самъ Спаситель, но Богъ, устрояющій полезное, удостоилъ меня крещенія здѣсь“ (въ Никомидіи). Слѣдовательно, выходитъ, что Константинъ в. крестился предъ смертію потому, что не могъ исполнить своего желанія креститься въ Иорданѣ. Достаточно ли это объясненіе? Едва ли. Развѣ владыка всемірной имперіи, жившій сравнительно недалеко отъ Палестины, не могъ во всякое время исполнить этого своего желанія, еслибы оно

¹⁴⁾ Seeck, Geschichte des Untergangs der antiken Welt, S. 62—65.

было сильно и рѣшительно? Нельзя отрицать желанія Константина в. креститься въ той рѣкѣ, гдѣ крещенъ былъ Христосъ; но это одно не могло служить къ отсрочкѣ крещенія. Известно, что въ древнія времена христіанской церкви многіе, не смотря на полную приготовленность ко крещенію, отлагали совершеніе этого акта до лѣтъ болѣе зрѣлыхъ и даже до старости и смерти. Происходило это изъ опасенія, какъ бы содѣянными по крещенію грѣхами не затворить себѣ входъ въ небесное царствіе. Къ числу такихъ лицъ, вѣроятно, принадлежалъ и Константинъ в. Онъ, конечно, хорошо зналъ, что крещеніе заглаживаетъ всѣ грѣхи, и хотѣлъ предстать предъ Нелицеприятнымъ Судіею въ одеждѣ негливія. Очень возможно, что императоръ держался мысли о несовмѣстности царской власти и христіанской святости (императоръ не можетъ не грѣшить, какъ скоро въ его власти жизнь и смерть подданныхъ), той самой мысли, которую такъ опредѣленно выражалъ Тертуллианъ (*caesares credidissent super Christo, si aut caesares non essent saeculo necessarii...*).—Затѣмъ, возбуждаетъ недоумѣніе мѣсто крещенія Константина в. Онъ крестился въ Никомидіи, куда отправился лечить теплыми водами постигшую его болѣзнь; но такъ какъ болѣзнь оказалась смертельною, то онъ и поспѣшилъ окончательно присоединиться къ церкви (Ж. К. IV, 61). И такъ, онъ былъ крещенъ въ Никомидіи, гдѣ епископомъ въ то время былъ знаменитый Евсевій никомидійскій, одинъ изъ ревностныхъ приверженцевъ аріанства. Крещеніе въ Никомидіи не могло не вредить православной чести Константина в. И нужно сказать, что еще въ древности обстоятельство это создавало неблагопріятные слухи и послужило къ появленію тенденціозныхъ сказокъ. Отъ этого не уберется даже блаж. Іеронимъ, который говоритъ слѣдующее въ своей „Хроникѣ“ (подъ 340 годомъ): „Константинъ въ послѣдніе дни своей жизни былъ крещенъ Евсевіемъ никомидійскимъ и уклонился въ аріанское ученіе; отселеѣ возникли,—прибавляетъ хроникеръ,—и до настоящаго времени продолжаютъ раздоры во всемъ мірѣ“. Вотъ къ какимъ невѣроятнымъ выводамъ приводило то, что императоръ крестился у Евсевія въ Никомидіи! Спрашивается: какъ смотрѣтъ на крещеніе Евсевія въ такомъ городѣ, гдѣ епископствовалъ аріанинъ? Къ счастью, мы имѣемъ довольно обстоятельное описаніе крещенія Константина в., сдѣланное Евсевіемъ—историкомъ, человѣкомъ болѣе автори-

тетнымъ въ вопросѣ, чѣмъ блаж. Іеронимъ. Евсевій-историкъ не говоритъ, что Константинъ в. былъ крещенъ епископомъ никоидійскимъ, а ясно утверждаетъ (Ж. К. IV, 61), что онъ крестился отъ „собора епископовъ“ (συγκαλέσας ἐπισκόπους). Изъ кого состоялъ этотъ соборъ,—правда, неизвѣстно; конечно, въ этомъ соборѣ участвовалъ и епископъ никоидійскій, но едва ли принадлежало ему первенствующее мѣсто здѣсь: Константинополь очень близко отъ Никомидіи; поэтому есть основанія полагать, что столичный архіепископъ св. Александръ пріѣзжалъ на соборъ въ виду важности дѣла. Конечно, Александръ былъ очень старъ, однако вѣдь онъ прожилъ послѣ того еще три года, управляя церковію. Но допустимъ, что на соборѣ первенствовалъ епископъ никоидійскій;—православная честь царя отъ этого ни мало не страдаетъ. Евсевій никоидійскій, хоть и лицемѣрно, но еще ранѣе того предъ лицомъ самого Константина в. изъявилъ согласіе съ никейскимъ исповѣданіемъ, почему и былъ возвращенъ изъ ссылки на свою никоидійскую кафедру. Значитъ, Константинъ в., принимая отъ него крещеніе, вѣровалъ, что онъ пріемлетъ крещеніе отъ православнаго епископа¹⁵⁾. Наконецъ, не нужно забывать, что за исключеніемъ блаж. Іеронима, писателя все же западнаго, всѣ отцы восточной церкви IV вѣка отзывались о Константинѣ в. съ великимъ уваженіемъ и не имѣли и тѣни сомнѣнія касательно его православія. *Св. Константинъ в. скончался въ день пятидесятиницы 22 (а не 21) мая 337 года.*

Значеніе Константина в. въ исторіи можетъ быть выражено въ слѣдующихъ чертахъ.

Этотъ императоръ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ замѣчательнымъ историческимъ личностямъ, отмѣченнымъ печатью геніальности. Главное дѣло, обезсмертившее его въ исторіи, есть торжество христіанства надъ язычествомъ,—торжество, совершенное благодаря мудрости и проницатель-

¹⁵⁾ Кромъ восточной, Евсевіевской версіи о крещеніи Константина в., есть еще другая западная—анонимная, относящая крещеніе этого государя къ 323 г., и рассказывающая, что это дѣйствіе происходило въ Римѣ и совершено руками папы Сильвестра. Не смотря на то, что эта западная повѣсть возникла довольно рано, въ V-мъ вѣкѣ,—по сравненію ея съ сказаніемъ Евсевія, она не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Подробнѣе см. объ этомъ въ „лекціяхъ † проф. В. В. Болотова (въ „Христ. Чтеніи“ 1907 г., янв.—февр., стр. 22—26 и отдѣльно вып. I, Спб. 1907).

ности этого государя. Всѣ лучшіе римскіе императоры, начиная съ Августа, понимали, какое значеніе имѣеть религія по отношенію къ благоденствію государства. Всѣ эти императоры заботились о томъ, чтобы утвердить и укрѣпить религіозное начало въ сердцахъ подданныхъ; но они трудились понапрасну, потому что они вѣрили въ возможность оживленія и поддержанія языческихъ культовъ, не понимая того, что язычество отжило свой вѣкъ, стало мертвымъ трупомъ, который слѣдовало предать погребенію, а не гальванизировать его искусственно. Константинъ в. первый понялъ то, чего не понимали его предшественники, даже тѣ изъ нихъ, которые въ душѣ были благосклонны къ христіанству. Обладая прозрѣніемъ гения, Константинъ в., ко благу цивилизаціи и къ выгодѣ для государственнаго благосостоянія, смѣло и могуче порвалъ связи съ прошедшимъ, какъ бы оно ни было священо и привлекательно для консервативныхъ умовъ, считавшихъ себя блюстителями государственныхъ интересовъ,—порвалъ съ религіею греко-римской, украшенною ореоломъ святости и древности, и сталъ подъ знамя креста, къ ужасу Рима и хранителей его традицій. Этотъ шагъ Константина в. настолько великъ, что рѣшительно всѣ историки считаютъ его гигантскимъ. Поэтому-то даже историки, мало расположенные къ первому христіанскому императору, однако же относятъ его къ лицамъ необыкновеннымъ. Бургардтъ пишетъ о Константинѣ: „великій человекъ, часто не зная того, исполняетъ высшія опредѣленія“ (Die Zeit Constantins des Gr., S. 309). Но не одно рѣшительное намѣреніе Константина в. дать вѣсъ и значеніе христіанству въ замѣнъ язычества, — намѣреніе, которое онъ осуществилъ, — доставляетъ ему выдающееся мѣсто въ ряду другихъ государей римскихъ. Онъ совершилъ еще немало блестящихъ дѣлъ, увѣнчавшихъ его имя въ исторіи. Его быстрыя и необычныя военныя дѣйствія, создавшія единодержавіе въ государствѣ, составляютъ предметъ изумленія для историковъ. Бургардтъ въ этомъ отношеніи сравниваетъ Константина в. съ Наполеономъ, съ которымъ „онъ имѣетъ сходство, — по замѣчанію того же историка, — и въ другихъ отношеніяхъ“ (S. 319). Далѣе. Только человекъ гениальный могъ создать новую столицу такой неимовѣрной исторической важности, какую тотчасъ же возымѣлъ Константинополь, возникшій по волѣ Константина в. въ такое короткое время, что можно

сказать: онъ возникъ по мановенію волшебства. Чтобы оцѣнить историческое значеніе новой столицы, вызванной къ бытію первымъ христіанскимъ императоромъ, достаточно привести себѣ на память слѣдующія слова Григорія Бого- слова, имѣвшаго полную возможность оцѣнить значеніе „новаго Рима“. Константинополь есть „око вселенной, могущественнѣйшій городъ на сушѣ и морѣ, какъ бы взаимный узелъ Востока и Запада, куда отовсюду стекается и откуда, какъ съ общаго форума, исходить все важнѣйшее въ вѣрѣ“¹⁶⁾. Всѣ эти перечисленныя стороны дѣятельности Константина в. даютъ ему громкую славу въ исторіи и характеризуетъ его, какъ чловѣка, одареннаго исключительными талантами. Образъ перваго христіанскаго императора производитъ сильное впечатлѣніе на изслѣдователя въ особенности потому, что императоръ является натурою цѣльной, не допускающею ни колебаній, ни передержекъ. Съ самаго начала своей видной исторической дѣятельности (съ 313 г.) и до конца жизни онъ одушевленъ былъ однимъ и тѣмъ же стремленіемъ—дать перевѣсъ христіанству надъ язычествомъ и идетъ неуклонно къ своей цѣли. Въ этомъ отношеніи очень удачно характеризуетъ Константина в. нѣмецкій ученый Теодоръ Кеймъ, когда говоритъ: „Константинъ 313 года, дружественно относящійся къ христіанскому клиру, открывающій для него государственную казну, дарующій ему права свободной дѣятельности, столь ревностно старающійся о единеніи церкви,— и въ виду раздоровъ въ христіанскомъ обществѣ жертвовавшій и своимъ временемъ, и своимъ трудомъ, и матеріальными средствами казны, взиравшій на задачу христіанства, какъ на свое собственное дѣло, этотъ Константинъ тождественъ съ тѣмъ, какимъ онъ былъ и въ позднѣйшее время (т. е. послѣ 323 г., когда онъ сталъ единодержавнымъ). Различіе между Константиномъ первой эпохи и Константиномъ второй то лишь, что между тѣмъ какъ тотъ просто благопріятствуетъ христіанству, позднѣйшій даетъ ему всѣ привилегіи, — между тѣмъ какъ тотъ говоритъ въ полголоса, позднѣйшій же во всеуслышаніе объявляетъ о своемъ желаніи видѣть всѣхъ сплоченными единствомъ религіи“; вся дѣятельность Константина в. составляетъ какъ бы „одинъ фактъ“—добавляетъ Кеймъ¹⁷⁾. И это есть глубоко справед-

¹⁶⁾ Творенія по русск. перев. въ 1 изд., т. IV, стр. 34.

¹⁷⁾ Въ „Theolog. Jahrbücher“ 1852, S. 249—250.

ливое замѣчаніе. Христіанская церковь при Константинѣ в. восторжествовала надъ язычествомъ, какъ государственнѣмъ институтомъ; она стала владычицею въ имперіи; она приобрѣла оффиціальную власть и силу, но докончить торжество ея надъ умами, искоренить язычество въ сердцахъ—это уже предоставлено было ея собственнымъ силамъ и средствамъ. Константинъ в. является самымъ типическимъ лицомъ изъ числа христіанскихъ византійскихъ императоровъ. Все, въ чемъ проявлялась религіозность этого монарха, въ чемъ выражалась его христіанско-нравственная жизнь, въ чемъ выражалась его любовь къ церкви и преданность священноначалію, — все это стало съ тѣхъ поръ образцомъ для подражанія преемниковъ перваго христіанскаго императора на византійскомъ тронѣ. И хотя ни одинъ изъ послѣдующихъ византійскихъ вѣнценосцевъ не могъ повторить Константина в. своею жизнію и дѣятельностію, не сдѣлался такимъ полнымъ воплощеніемъ религіозно-нравственнаго духа христіанскаго, какимъ былъ первый византійскій монархъ, но многіе изъ нихъ, несомнѣнно, шли по его стопамъ, въ болѣе или меньшей степени подражая первообразу христіанскаго царя. Усвоить тѣ или другія черты религіозно-нравственной жизни Константина в. было задушевнымъ стремленіемъ лучшихъ византійскихъ монарховъ. Любопытно отмѣтить, что ни одинъ изъ нихъ ни въ какомъ отношеніи не могъ стать выше Константина в. Идеаль истинно-благочестивѣйшаго царя въ сознаніи позднѣйшей исторіи слился нераздѣльно съ именемъ равноапостольскаго Константина в. Поэтому, когда хотѣли похвалить какого-либо византійскаго государя, въ такомъ случаѣ всегда говорили: „онъ—второй Константинъ“. Такъ, напр., возглашали отцы четвертаго вселенскаго собора, желая почтить благочестивую дѣятельность императора Маркіана *).

† Профессоръ Аленсѣй Лебедевъ.

*) Для литературы о Константинѣ в. см. слѣдующіе труды: † проф. Ал. П. Лебедевъ, Обращеніе Константина Великаго въ христіанство (въ его книгѣ: „Церковно-историч. повѣствованія“, изд. 2, Спб. 1903); *его же* Первый христіанскій императоръ на тронѣ Цезарей (тамъ же); *его же* Эпоха гоненій и утверженіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ Вел. (изд. 3, Спб. 1904); *его же* Новые споры по старому вопросу изъ

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru